

КАРИНА РОДИОНОВА

Баба Яга
и (не) ее
оборотень

Карина Родионова

Баба Яга и (не) ее оборотень

«Автор»

2026

Родионова К.

Баба Яга и (не) ее оборотень / К. Родионова — «Автор», 2026

Юная Баба Яга Мария, сама того не подозревая, спасает оборотня. И после этого их ждут приключения: попадание в альтернативную реальность, резервация, похищения и, конечно, любовь.

© Родионова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	30
Глава 11	33
Глава 12	36
Глава 13	39
Глава 14	42
Глава 15	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Карина Родионова
Баба Яга и (не) ее оборотень

Баба Яга и (не) ее оборотень

Глава 1

Эта старушка была воплощением городской повседневности: невысокая, чуть сторбленная, в привычных спортивных штанах и выцветшей косынке, повязанной наспех. Казалось, она — лишь еще одна деталь в бесконечном потоке людей, спешащих по своим делам ранним летним утром. В одной руке она сжимала верную метлу, в другой — тяжелую сумку-тележку, которая, судя по тому, как она накренилась, весила добрых полпуда.

Втиснуться в переполненный, пропахший бензином и утренней сыростью автобус ей было не под силу. Молодой человек, стоявший рядом, наблюдал, как женщина, тяжело дыша и кряхтя, пытается пробиться сквозь плотную толпу пассажиров. Заметив, как она отчаянно цепляется за ручку своей неподъемной ноши, он молча шагнул вперед. Вдохнув, он аккуратно забрал сумку и водрузил её на верхнюю ступеньку, а затем, подхватив бабушку под мышки, легко, словно пушинку, поднял её наверх, к багажу.

— Садитесь, бабушка, не мучайтесь! — тут же подскочила с сиденья хрупкая девчушка.

— Спасибо, милая, золотая ты моя! — отозвалась старушка, с трудом усаживаясь и тут же, по привычке, прижимая к себе и сумку, и метлу, будто это были самые ценные сокровища в мире.

— Что ж ты, бабуля, на метле-то не полетела? — не удержался от шутки стоящий рядом мужчина. Старушка лишь печально вздохнула, и в этом вздохе было столько напускного драматизма, что пассажиры невольно улыбнулись.

— Дыкть, милоч, метла-то есть, а права на управление ею отобрали! — проворчала она.

По автобусу прокатилась волна добродушного смеха. В душном салоне, где многие ехали на работу, шурясь от утреннего солнца и мечтая лишь о прохладной постели, настроение внезапно сменилось с сонного на бодрое. Люди начали переглядываться, обмениваться короткими шутками, и даже тяжелая духота перестала так сильно давить.

На одной остановке вышла та самая девчушка, что уступила ей место. Сегодня её ждал день, который изменит всё: важные соревнования по художественной гимнастике, за которыми будет пристально наблюдать легендарный тренер. Один точный прыжок, один идеальный пируэт — и её судьбу решит этот решающий момент. Сегодня у нее будет удачный день.

Следом покинул салон и молодой человек. Его ждало собственное маленькое чудо: случайный взгляд девушки, в которую он был безнадежно и давно влюблен, а через месяц она примет его предложение стать его женой. А еще — звонок из офиса крупной фирмы с заманчивым предложением, от которого невозможно отказаться.

Старый автобус, издав прощальный лязг и скрежет, замер на конечной остановке у дачного поселка.

— Конечная! — прохрипел водитель, и последние пассажиры потянулись к выходу.

Бабушка выходила последней. Один из мужчин, помогая ей вытащить тележку, на мгновение замер от изумления.

— Бабуль, у тебя там что, кирпичи? — спросил он, пытаясь удержать равновесие под весом сумки.

— Камни! — гордо пояснила старушка. — Эта хулиганка-сумка, если её не нагрузить как следует, так и норовит в небо взмыть!

Мужчина хохотнул, пожелал ей доброго пути и пошел дальше, не подозревая, что и его день сегодня сложится идеально.

Бабуля, прихрамывая, двинулась по тропинке, петляющей среди густых лесных массивов. Дойдя до тихой лесной просеки, она ловко нырнула в заросли папоротника. Оглядевшись, старушка решительно открыла сумку и начала вытряхивать из неё тяжеленные булыжники. Когда с сумкой было покончено, она сделала немыслимое: буквально залезла внутрь, устроив-

шись там, как в ведьминской ступе, крепко держась за ручку тележки. Взмах метлой, тяжелый вздох, и она произнесла:

— Ну, полетели, родная!

Сумка приподнялась над землей, едва касаясь травы. Она скользила в двадцати сантиметрах от почвы, плавно огибая кочки. Со стороны казалось, что по лесу несется странный гироскутер с ручкой.

Вскоре «транспорт» причалил к небольшому домику на самой окраине поселка. Бабушка довольно резво для ее возраста выбралась наружу и толкнула скрипучую деревянную дверь.

Случайный прохожий, заглянувший в это окно, увидел бы лишь скучную деревенскую нищету: старая печь, облупленный стол, железная кровать с провисшей сеткой и стопка подушек с вязаной салфеткой на них. Но стоило двери захлопнуться, как реальность дрогнула и преобразилась.

Унылая печь превратилась в роскошный камин, от которого исходило живое тепло. Старая кровать сменилась мягким современным диваном, а скрипучий пол внезапно стал идеально ровным, покрытым ламинатом. На стене вместо теней заплясали блики на огромной плазменной панели, а старая лампочка Ильича уступила место светодиодной подсветке.

Бабуля подошла к зеркалу в пол и решительно сняла косынку. Седые пряди, рассыпавшись по плечам, начали на глазах менять оттенок и становиться гуще и длиннее. Через мгновение из зеркала на мир смотрела молодая, сияющая рыжеволосая девушка в ярком, пестром сарафане.

Раздался стук. Девушка вздохнула и пошла открывать. На пороге стояла соседка.

— Марусь, это ты? — удивленно приподняла брови та. — А я думала, Марфа приехала. Вроде её макушку видела у забора.

— Да, тетя Вера, мы вместе с бабушкой приехали. Но она ушла баньку топить. Передать ей что-нибудь?

— Да, милая, попроси её, пожалуйста, принести ту мазь от артрита, что она советовала. Суставы крутит — сил нет! А я вам яичек принесу, свежих, от своей наседки.

— Хорошо, передам.

Когда соседка ушла, Маша уже собралась заняться делами, но резкий звонок телефона вырвал её из раздумий. На экране высветилось: «Эльвира».

— Машка, привет! — раздался бодрый, почти задорный голос подруги. — Ты не забыла, что завтра шабаш? Прилетишь?

Маша поморщилась, вспоминая недавние неприятности.

— Эльк, ну какой прилет? У меня права на метлу отобрали, ты же помнишь? А ступа моя после вчерашнего ремонта требует — далеко на ней не уедешь.

— Эх, Маша! — вздохнула Эльвира. — Ну вот какого черта тебя поперло летать над озером в самый разгар праздника? Народ же Ивана Купала отмечал! Мы едва перед туристами отмазались, выдавая твой полет за «световое шоу и аттракцион».

— Настроение было... пошалить захотелось, — виновато буркнула Маша.

Теперь, когда её ведьминское «водительское удостоверение» было заморожено на месяц, о шалостях можно было забыть.

— Ладно, не кисни! — бодро предложила подруга. — Полетим вместе на моей метле!

— А твоя-то потянет двоих? — с сомнением спросила Маша.

— Да таких тощих, как ты, троих сразу потянет! — рассмеялась Эльвира.

Глава 2

Мария

Я всем сердцем не хотела лететь на этот шабаш. И дело было не в самой тусовке — я вполне могла бы насладиться ведьминским безумием, — а в одном маленьком факторе: присутствии Верховной ведьмы Раисы. Стоило ей появиться, как воздух вокруг начинал искриться от её желания в очередной раз прочитать мне лекцию о «правильном поведении молодняка».

И вот, виновата ли я в том, что зелье невидимости от Арины оказалось бракованным? В самый неподходящий момент, когда я мирно дрейфовала над зеркальной гладью озера, магия просто... испарилась. Секунда — и вместо того, чтобы тихо и спокойно наслаждаться полетом, я оказалась в центре внимания. Толпа на берегу мгновенно ожила: послышался испуганный гул, чей-то радостный визг, а затем замигали смартфоны, фотографирующие и снимающие меня.

Раньше времена были проще: объявишь, что у них галлюцинации от передоза самогонки, и дело с концом. А теперь? Теперь у каждого в кармане — персональный летописец, который запечатлел мой позор в HD-качестве. Хорошо хоть, что я не поддавалась на уговоры подруг про «полеты в чем мать родила». С таким компроматом мне бы не хватило и десяти жизней, чтобы отмыться от позора.

Мы с Элькой приземлились на высоком холме, где уже вовсю кипела жизнь — ведьмы нашего района собрались в привычный круг. Метла у Эльки — та еще капризная особа: старая, ворчливая и невероятно самолюбивая. Всю дорогу она демонстративно фыркала и вздрагивала, изображая великую мученицу. Мол, «как же тяжело тащить на себе двух кобылок!». При том, что маму Эльки возила, даже не морщилась, хотя весит та вдвое больше нас с подругой, вместе взятых!

Едва мы коснулись земли, эта вредина резко дернулась, буквально сбросив нас, и, торжествующе зафыркав, рванула к парковке, где стройными рядами стояли её сотоварки. Началось... Сплетни и шумные обсуждения своих ведьм среди метел пошли по кругу быстрее, чем колдовской импульс.

— Ягинская! — этот визгливый, режущий слух голос заставил меня непроизвольно втянуть голову в плечи.

— Я - Баба Яга! — огрызнулась я, пытаюсь вернуть себе остатки достоинства.

— Да какая ты баба! — Раиса подошла ближе, и её лицо исказилось в презрительной гримасе. — Девчонка сопливая!

Она вечно пыталась меня задеть. И ведь не за что! Моя единственная вина в том, что у неё были старые счеты с моей бабушкой. Но она не унималась:

— Напоминаю, Ягинская, что штрафные работы тебе никто не отменял! Две недели будешь помогать зельеварам!

— Да я-то тут при чем? — я не выдержала и вспыхнула. — Это всё косяк Ариного зелья!

— Вот и потренируешься варить его самостоятельно, — отчеканила она, и в её глазах блеснула холодная насмешка. — Раз уж в Академии ты так и не научилась элементарным вещам.

— У меня вообще другая специализация! — выкрикнула я, чувствуя, как внутри закипает ярость.

— Целитель обязан уметь варить зелья, — жестко припечатала Верховная и демонстративно отвернулась, обрывая разговор.

Я вошла в круг сидящих ведьм и уселась, продолжая кипеть от возмущения.

— Ладно тебе, не пыхти, — прошептала Элька, протягивая мне бутылку с мутноватой, пахнувшей прелой листвой и спиртом жидкостью. — Вон, хлебни мухоморовки, а то рожа у тебя слишком трезвая и недовольная. Забей на всех... Здравствуйте, госпожа Верховная!

Раиса, проходившая мимо, лишь бросила ледяной взгляд:

— Девочки, умеренность! А тебе, Ягинская, вообще пить не советую.

Я не стала ждать продолжения. Схватив бутылку, я сделала несколько жадных глотков. Горло обожгло, я чуть не поперхнулась от крепости напитка, но через мгновение тяжесть в голове сменилась странной легкостью. Ноги сами потянулись в пляс, а мир вокруг перестал казаться таким враждебным.

Возвращались мы уже на рассвете, когда небо окрасилось в грязно-розовый цвет.

— Тебя куда подкинуть? — спросила Элька, её голос звучал глухо и язык заплетался.

— В город, к городской квартире, — отозвалась я, пошатываясь и пытаясь удержаться на метле.

Полет превратился в сущий кошмар. Метла Эльки, видимо, тоже приложила к мухоморовке, потому что она летела зигзагами: то резкий взлет вверх, то крутое пики, то внезапный штопор, от которого желудок подкатывал к горлу.

— Меня сейчас вырвет... — простонала подруга.

— Ты свою метлу мухоморовкой не поила? — спросила я, пытаясь удержать равновесие.

— Я к ней всю ночь не подходила!

— Значит, кто-то другой постарался, — вздохнула я.

В итоге меня выгрузили в темной подворотне возле моего дома. У подъезда, как обычно, дежурили двое местных алкашей. Чтобы не вызывать подозрений, я мгновенно приняла образ скромной старушки Марфы. К счастью, ночной воздух и стрессовый полет немного протрезвили меня, и при соприкосновении с твердой землей я почувствовала себя вполне сносно.

Накинув серый плащ, я направилась к дверям. Но у самого входа я замерла. Дверь в подъезд была приоткрыта, а прямо под ней лежало что-то темное, тяжелое и странно неподвижное.

Я наклонилась. Это был кот. Огромный черный мейн-кун с характерными кисточками на ушах. Он лежал без сознания, и его пушистая мордочка была испачкана в чем-то темном. Прикоснувшись к нему, я похолодела: это была кровь. Шерсть слиплась, лапы были неестественно вывернуты.

— Боже... Кто же тебя так? — выдохнула я.

Оставлять его здесь было нельзя. Оглянувшись на соседей-алкашей, я поняла, что помощи от них ждать не стоит — они едва держались на ногах. Тихим, едва слышным шепотом я соткала заклинание левитации. Сделав вид, что бережно поднимаю животное на руки, я почувствовала, как кот послушно парит в воздухе, подчиняясь моей воле.

Затащив бедолагу в квартиру, я в спешке расчистила кухонный стол. Разложив на клеенке окровавленные лапы и с тоской глядя на замершее теплое тело, я поняла: сегодня ночной отдых отменяется. Мне предстояло бороться за эту жизнь.

Глава 3

Роман

Город задышался в предрассветном тумане, когда Роман почувствовал, как за спиной разверзлась сама бездна. Но бездна была живой, горячей и яростно лающей.

Он мчался по узким переулкам, и каждый его шаг отзывался в ушах тяжелым ритмом сжавшегося от неприятного предчувствия сердца. Сзади доносился не просто лай — это был синхронный, методичный гул стаи, которая не знала усталости. Псы настигали. Их дыхание, тяжелое и влажное, казалось, уже обжигало ему загривок.

Как назло, этот вечер решил сыграть против него злую шутку. Городские улицы, обычно полные лазеек, сегодня превратились в бездушный лабиринт из глухих стен и сплошных заборов. Не было ни подвальных окон, ни открытых мусорных баков, ни щелей в заборе, в которые он мог бы нырнуть, растворившись в тени.

Впрочем, Роман не был из тех, кто привык трусливо прятаться. В его прошлой, до проклятия, жизни он предпочитал встречать врага лицом к лицу. Он знал вкус честного боя, знал, как расправляться с противником, используя каждый дюйм своего превосходства. Но сейчас... сейчас всё было иначе. Проклятая ведьма! Её заклинание вывернуло его суть наизнанку, превратив грозного воина в жалкое, мелкое существо, задыхающееся от опасения за свою жизнь. Каждое движение отзывалось в теле странной, липкой беспомощностью.

Псы были уже совсем близко. Он чувствовал их присутствие кожей: зубы, острые как бритвы, почти сомкнулись на его задней лапе. В последний, отчаянный момент, когда инстинкт самосохранения пересилил агонию, Роман резко вильнул в сторону. С невероятным для его нынешнего состояния усилием, он вцепился когтями в кору ближайшего дерева и рванул вверх, карабкаясь по ветвям, словно одержимый.

Внизу замерла стая. Они не ушли. Псы обступили ствол, кружа в хаотичном, яростном танце. Их рычание вибрировало в самом воздухе, а лай бил по ушам, словно удары молота. Роман, тяжело дыша, смотрел на них сверху вниз. В груди kloкотало нечто чуждое — не привычный рык, а яростное, кошачье шипение. Он сам не понимал, откуда взялся этот звук, но его горло само выталкивало этот протестующий, свистящий звук.

Он затаился на ветке, чувствуя, как дрожат мышцы. Спускаться было самоубийством. Сидеть здесь — значит медленно умирать от голода и жажды, но это был единственный шанс не стать чьим-то ужином прямо сейчас.

Тишина, наступившая после затишья в лае, была обманчивой. Внезапно небо над ним словно раскололось. Огромная, иссиня-черная тень спикировала сверху. Это был ворон — массивный, с тяжелым клювом и глазами, полными первобытной злобы. Птица с силой ударила его в макушку. Боль была ослепляющей.

Роман, охваченный вспышкой гнева, попытался вцепиться зубами в наглую птицу, но ворон был слишком ловок. Он взмыл выше, сделал крутое пике и снова обрушился на него, нанося точный, болезненный удар. Последней каплей стало то, что тонкая ветка, не выдержав веса тела и резкого движения, хрустнула.

Мир перевернулся. Роман полетел вниз, и в этот момент из его горла вырвался вопль — не кошачий, а нечто среднее между человеческим криком и ультразвуком, от которого заложило уши. Он летел прямо в пасть к радостным псам, которые уже приготовились к пиршеству.

Удар о землю был сокрушительным. Множество клыков впились в его израненную, мохнатую шкурку. Боль была повсюду: в каждой клеточке, в каждом волоске. Но даже в этом аду Роман не собирался сдаваться. «Вы за это дорого заплатите!» — пульсировало в его сознании. Он извивался, кусался, царапал морды нападавших, вкладывая в каждое движение всю ненависть, на которую был способен.

Но силы были слишком неравны. Тьма начала подступать к глазам, когда внезапный, резкий звук разорвал ночной воздух.

— Это что тут происходит? Опять бродячие собаки! — раздался грубый мужской голос.

Послышался сухой щелчок, за которым последовал оглушительный грохот выстрела. Это было травматическое оружие — звук был резким, пугающим, но не смертельным. Псы, взвизгнув от неожиданности, мгновенно разлетелись в разные стороны.

Роман, едва находя силы дышать, попытался сфокусировать взгляд на фигуре мужчины в форме полицейского. В тусклом свете фонаря он почти ничего не мог разглядеть. Человек стоял над ним, но не сделал ни шага навстречу. Возможно, он решил, что кот уже мертв, или просто не захотел связываться с окровавленным комом меха.

Полицейский ушел, его шаги затихли вдали. Роман остался один. Он начал ползти. Куда? Зачем? Он не знал. Единственным двигателем была слабая, едва теплящаяся искра надежды, которая шептала: «Двигайся. Если остановишься — конец».

Он полз по асфальту, по грязи, по обломкам, пока не уперся в холодную преграду. Это была дверь подъезда. Он ткнулся в нее носом, чувствуя, как силы покидают его. Осознание неизбежности накрыло его тяжелой волной. Тьма, до этого лишь подступавшая, наконец поглотила его целиком.

Пробуждения были короткими и мучительными. Каждый раз, когда он выныривал из беспамятства, его окружал мягкий, убаюкивающий голос.

— Ну-ну, маленький, не дергайся... — шептала женщина. — Я лишь зафиксирую твои сломанные лапки. Заживут, как миленькие!

«Маленький». Это слово резало его самолюбие сильнее, чем когти собак. Он не был маленьким, он был... другим. Но он не нашел в себе сил возразить. Тело само реагировало на боль, дергаясь в конвульсиях, которые он не мог контролировать.

Затем в его рот влилась какая-то жидкость. Вкус был отвратительным — горьким, металлическим, с привкусом трав.

— Сейчас ты уснешь, будешь спать и выздоравливать, — пообещал голос. И Роман снова провалился в бездну.

Но когда он проснулся в следующий раз, его охватил новый, еще более жуткий ужас. Он не видел ничего. Вокруг была абсолютная, непроницаемая тьма. Это было странно: даже в самые темные ночи его зрение ночного хищника позволяло различать очертания предметов. «Я ослеп?» — эта мысль парализовала его. Он попытался шевельнуться, но резкая вспышка боли в боку заставила его зашипеть.

— Тихо, тихо, малыш! — снова этот голос. — Не двигайся, тебе пока не надо. Я намазала тебя обезболивающей мазью, но шевелиться всё же не советую. Лучше еще поспи!

Снова горькая жидкость в горле. Снова сон.

В эти дни время потеряло смысл. Роман пытался приохиваться — это был его главный инструмент познания мира. Но запахов не было. Темнота и отсутствие обоняния пугали его больше, чем раны. Для него мир запахов был картой, историей, источником информации. Без него он превратился в слепого следопыта в пустоте.

Однажды ему удалось приоткрыть один глаз. Мир предстал перед ним в виде размытых, мутных пятен. Его глаза на израненной морде так сильно заплаыли, что он едва мог разлепить веки. Но сквозь эту пелену он увидел нечто прекрасное — полоску солнечного света, заливающего комнату.

Его не кормили, и он не чувствовал голода. Мысли о еде вызывали лишь тошноту, а отсутствие нюха лишало процесс приема пищи всякого смысла. В него лишь вливали жидкости. Однажды знакомый голос предложил «бульончик», но для Романа это была лишь очередная неопределяемая на вкус теплая жидкость.

Иногда он чувствовал, что подстилка под ним становится влажной. Женщина молча, без тени брезгливости, меняла его подстилку на сухую. Когда до него дошло, что причиной этой влажности является его собственный непроизвольный конфуз, ему стало невыносимо стыдно. Будь он в человеческом теле, он бы сгорел от стыда. Но коты, к счастью, не умеют краснеть.

Постепенно зрение возвращалось. Фокус наводился, и мир обретал очертания. Роман понял, что лежит на мягкой подстилке, постеленной на широком подоконнике в маленькой, уютной кухне. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь стекло, согревали его измученное тело, а за окном едва слышно шелестела листва старого дерева.

Вскоре на кухню вошла она. Его спасительница. Невысокая, худенькая пожилая женщина с седыми волосами, собранными в аккуратный пучок. Ее походка была удивительно легкой, совсем не такой, как у большинства стариков. Она подошла к нему, и в ее глазах читалась не жалость, а искренняя радость.

— О, уже и глазик открылся! — просияла она. — Ты не дрейфь, я подниму тебя на ноги... на лапы! И не таких выхаживала!

Она на мгновение замолчала, с сомнением оглядывая его израненную морду.

— Впрочем, таких пушистых пациентов у меня пока не было. Кстати, мне пришлось тебя кое-где побрить, иначе невозможно было обработать раны.

Роман вздрогнул. Его — побрить?! Он что, домашний пудель? Внутри него вспыхнуло возмущение, было желание вскочить и зашипеть, предъявляя свои права на достоинство. Но резкая, колющая боль в боку мгновенно подавила этот порыв, заставив его лишь тяжело и обиженно вздохнуть.

Глава 4

Мария

Котик был при смерти. Это не было преувеличением или излишним драматизмом — я видела, как его жизненная искра, обычно у здоровых существ яркая и уверенная, превращается в едва тлеющий уголек, задыхающийся в наступающей пустоте. Приди я домой минут на пятнадцать позже, или окажись на моем месте другая — пусть даже опытная ведьма, но не целительница, — бедолаге не выжить. Смерть уже начала плести свои невидимые нити вокруг его израненного тела, и только мое вмешательство, грубое и отчаянное, удерживало его на этом свете.

Я вливала в него жизненную силу порцию за порцией. Это было похоже на попытку наполнить дырявое ведро водой из ледяного ручья: я чувствовала, как мои собственные резервы истощаются, как внутри меня разрастается звенящая пустота, а конечности наливаются свинцовой тяжестью. Я ослабла настолько, что, будь рядом Элька, она точно бы покрутила пальцем у виска. Ее вердикт был бы предсказуем: «Ты ненормальная, Ягинская! Разве можно гробить столько сил на какого-то бездомного, пусть и породистого кота?»

Но Элька не понимает, что магия целителя — это не только дар, но и проклятие сострадания.

В голове промелькнула мысль о Верховной. Раиса наверняка воспользовалась бы моментом. Она бы не просто осудила, она бы пришла с проверкой, с довольным лицом и официальным бланком, чтобы отобрать у меня лицензию на лечение. И сделала бы это с поистине «добрыми намерениями»: мол, зачем позволять практиковать той, кто безрассудно тратит бесценный ресурс на случайных встречающих?

Хотя, признаться честно, я знала — лицензию она не отберет. У Раисы есть кое-какие связи, и ее «высокопоставленные» знакомые периодически находят дорогу к моему порогу. Конечно, всё это происходит якобы без ее участия. Пациенты получают строжайший наказ: «Ни слова о том, кто вас направил». Но люди, особенно когда дело касается исцеления, не всегда умеют держать язык за зубами. Нет-нет, да кто-нибудь из них проболтается о том, кто их ко мне направил. А отказаться от лечения больного я просто не могла.

Более того, я была почти уверена: если бы Раиса увидела мои вчерашние старания, она бы не стала меня ругать. Вместо этого она бы с ледяной улыбкой объявила, что раз у меня так много «излишков» магии, то мне жизненно необходима дополнительная нагрузка в виде работы в благотворительной лечебнице. И, разумеется, эта лечебница должна была обслуживать исключительно Верховную ведьму и ее ближайшее окружение. Сплошная альтруистическая эксплуатация.

Но сейчас меня волновало не сохранение моей целительской лицензии, а выживание пациента.

Котика пришлось почти полностью обрить. Снятие пушистой шерсти было необходимой, хоть и жестокой процедурой: под густым мехом раны могли загноиться, и я не могла добраться до поврежденных тканей.

После того, как я зафиксировала переломанные лапы в самодельных, укрепленных магией лубках, и тщательно зашила рваные раны, на меня навалилась дикая, почти осязаемая усталость. Я обработала всё заживляющей мазью, пахнувшей полынью и свежей землей, и просто рухнула на стул рядом со столом, который в последние часы выполнял роль операционной.

Я сидела в полумраке, сжимая в руках чашку крепкого, обжигающего кофе, и отрешенно смотрела на это некогда меховое, а теперь бритое недоразумение. Судя по характеру повреждений, досталось зверю от стаи бродячих псов. Если бы это был не мощный, крепкий мейнкун, способный выдержать серьезный удар, его бы просто разобрали на части.

Когда я решила еще раз проверить ауру котика, я едва не выронила чашку.

То, что я увидела, не поддавалось логике. Аура кота была не просто повреждена — она была странной. Обычно у существ она имеет четкую структуру, у оборотней она удваивается, создавая дополнительный слой, но здесь... Она была тройной. Это было сплетение трех разных энергетических потоков, пульсирующих в хаотичном, пугающем ритме. Она светилась неестественным, мерцающим светом, который не принадлежал ни одному известному мне виду существ.

Мой мозг, измотанный магическим истощением, просто отказался обрабатывать эту информацию. «Слишком сложно. Слишком странно. Спи», — приказал мне внутренний голос. Я решила, что когда приду в себя, обязательно покажу пациента Феликсу. Феликс был единственным, кто мог бы пролить свет на эту аномалию. Он был ведьмаком и, по совместительству, ветеринаром, что делало его идеальным экспертом. К тому же, в отличие от большинства стервозных ведьм нашего сословия, Феликс обладал редким даром — он умел слушать и не пытался самоутвердиться за счет других.

Влив в котика последнюю порцию успокаивающего зелья, погружающего в исцеляющий сон, я с трудом, на подкашивающихся ногах, дотащилась до ванной. Горячий душ не принес облегчения, лишь смыл с меня запах крови и мазей. Переодевшись в ночную сорочку, я рухнула в постель и провалилась в беспамятство еще до того, как моя голова коснулась подушки.

Пробуждение было резким и болезненным. Меня вырвал из забытья вопиющий, мерзкий, разрывающий барабанные перепонки звук. Это была мелодия моего телефона, которую я поставила специально на контакт Раисы — чтобы даже в глубоком обмороке я поняла, что пришла катастрофа.

Я приоткрыла один глаз. За окном лишь начинало бледнеть небо, предвещая серый, неуютный рассвет. — Да! — хрипло выдохнула я, хватая телефон с тумбочки.

— Ягинская! — голос Раисы буквально пронзил тишину комнаты. — Ты что, всё еще дрыхнешь?! Я взглянула на часы. Шесть утра. В это время даже у ведьм, включая Бабу Ягу, или, скажем, Верховную ведьму, должно быть время сна.

— Что случилось? — спросила я с обреченным вздохом, чувствуя, как в висках начинает пульсировать знакомая боль.

— У тебя отработка, ты забыла? Чтобы в восемь утра ты уже стояла у зельеваров! Берту я предупредила, она будет тебя ждать и не станет церемониться!

С этими словами она бросила трубку. Ни «доброго утра», ни «как дела». Вот же ведьма... в самом худшем смысле этого слова.

Вздыхнув, я заставила себя спустить ноги на прохладный пол. Тело ныло, а магия внутри ощущалась как выжженная пустыня. На кухне уже вовсю шумел Филя. Филя был моим верным помощником — роботом-пылесосом. Изначально это была обычная модель, но после того как я, в порыве ведьмовского вдохновения, вложила в него немного своей «Ягинской» жизненной силы, у него развился характер. И, судя по звукам, сегодня он был в крайне скверном настроении.

— И ходят тут, и ходят! — ворчал Филя дребезжащим, скрипучим голосом старого деда, который слишком долго просидел на завалинке. — Шерсти насыпали, натоптали, а Филя убирай! Как летать, так у нее метла, а как убираться, так Филя!

Я вошла на кухню, потирая виски.

— Филечка, ну что ты ворчишь с самого утра? — устало проговорила я. — Ты же знаешь, Гертруду мне бабка подарила. Не буду я на ней летать, она же потом пожалуется бабуле, а та мне мозг выест. Маленькой ложечкой, но очень методично.

Гертруда, моя метла, обладала раздутым самомнением и считала, что ее имя — это сокращение от «Героиня труда». Лично я считала, что она — просто сгусток вредности, обернутый в прутья.

— Кстати! — я вдруг встрепенулась, вспомнив о вчерашнем. — Это мне на метле летать запретили. А на полетах на пылесосе лицензия пока не обязательна!

Филя лишь обиженно фыркнул и продолжил свое сражение с пылью.

Я взяла чашку с кофе, которую кофеварка, мгновенно среагировав на мое пробуждение, уже приготовила нужной, максимальной крепости. Сев за стол, я перевела взгляд на подоконник. Котик спал на своей мягкой подстилке, и, судя по его спокойному дыханию, ему стало лучше. Раны еще не затянулись, и состояние его было, мягко говоря, нестабильным, но та пугающая пустота в его ауре немного отступила. Теперь я была уверена: он выживет.

Несмотря на дикую усталость, я понимала, что не могу оставить его без помощи. Я снова принялась за дело: сменила повязки, заново обработала раны, влила немного силы — ровно столько, чтобы не упасть в обморок прямо над ним, ведь мне еще предстояло пережить утреннюю отработку у зельеваров. Только после этого я отправилась на штрафные работы.

Глава 5

Я спустилась по лестнице к выходу из парадной, опустила на пол Филю.

— Ну что, дружище, ты готов к выходу в свет? — спросила я, заглядывая в его сенсорный экран.

Робот-пылесос, мой верный спутник и, по совместительству, самый продвинутый гаджет в моей коллекции, ответил довольно предвкушающим жужжанием. А затем началось самое интересное. С тихим механическим щелчком его корпус начал трансформироваться. Боковые стенки втянулись, из корпуса, словно по волшебству, вытянулась длинная, эргономичная ручка, а колеса, до этого едва заметные, начали раздвигаться, увеличиваясь в диаметре и обретая мощный протектор. Всего за несколько секунд на месте круглого диска стоял полноценный, стильный электросамокат.

— Эх, — я разочарованно вздохнула, оглядывая его безупречно белый глянец. — Желтеньким еще стань, для маскировки полезнее.

Филя, который всегда отличался излишним самолюбием и гордился своей стерильной белизной, на мгновение замер. Его индикаторы вспыхнули тревожным, возмущенным алым цветом — он явно обиделся на критику. Но, осознав, что я не шучу, он покорно сменил палитру. Сначала он стал нежно-лимонным, а затем приобрел тот самый узнаваемый ярко-желтый оттенок, которым красятся все электросамокаты, массово сдающиеся в аренду на улицах нашего города. Теперь он выглядел как типичный представитель городского микротранспорта, не вызывающий лишних вопросов.

Я решительно толкнула тяжелую дверь, выкатила Филю на улицу и, ловко запрыгнув на платформу, скомандовала.

— Ну что, поехали, родненький!

На фоне утреннего города я, конечно, смотрелась как персонаж из дешевого фэнтези: седая старушка в длинной, тяжелой черной юбке, с темно-синей банданой, скрывающей выбившиеся пряди, и с обычным, потертым городским рюкзаком за плечами. Но в нашем городе к странностям привыкли быстро. У нас всяких чудаковатых старушек — пруд пруди: кто-то лечит котов заговорами, кто-то торгует проклятыми амулетами прямо из тележек. Народ похихикает, проводит взглядом и забудет через минуту.

Мы плавно въехали в пустой двор-колодец — один из тех тесных, замкнутых пространств, что пронизывают наш город, словно вены. Стены домов здесь были так близко друг к другу, что небо казалось лишь небольшим квадратом синего шелка. Мы приблизились к невзрачной двери, над которой висела выцветшая, но гордая вывеска: «Фалафельная».

— Так, теперь самое важное. Прячься! — скомандовала я, расстегивая рюкзак.

Филя издал звук, подозрительно похожий на ворчание старого деда.

— Давай-давай, не капризничай! — я постаралась придать голосу строгости. — А то в следующий раз не возьму. Поеду на Гертруде!

Упоминание Гертруды подействовало мгновенно. Аргумент оказался железобетонным. Филя неохотно, с тяжелым вздохом, сложился обратно в круглую форму, а затем, решив пойти на крайние меры, уменьшился до размеров небольшой чайной тарелки.

— Вот и умничка! — я бережно сунула его вглубь рюкзака, подальше от посторонних глаз.

Спустя всего несколько секунд из недр рюкзака донеслось мерное, убаюкивающее урчание. Бедолага просто умирался за дорогу, а также от трансформации и сразу уснул.

Я толкнула дверь кафе. Над головой мелодично звякнули «музыки ветра», подвешенные к косяку. Помещение было крошечным, почти интимным: всего два столика, пара скрипучих стульев, прилавков и вечный запах жареного нута и кумина. В углу виднелись две дверцы —

одна вела в туалет, другая — в служебное помещение. Стены были обклеены всякой магической и декоративной лабудой: плетеные коврики, ловушки для снов, какие-то светящиеся амулеты. Всё это создавало ощущение уютного хаоса.

Темноволосая девушка за прилавком стояла ко мне спиной, сосредоточенно расставляя баночки с соусами. Услышав звон, она обернулась, и в ее глазах промелькнуло разочарование.

— Мы еще закрыты, бабушка. Приходите попозже... — начала она стандартную фразу, но осеклась.

В этот момент я позволила магии течь по венам. Это было не сложно, но требовало концентрации: седые пряди вдруг налились густым, огненно-рыжим цветом, морщинки на лице разгладились, а носатый, старческий профиль обрел черты молодой, симпатичной девушки. Я вернула себе свой истинный облик.

— А, это ты, — с явным сожалением протянула девица. Ее тон сменился с вежливого на раздраженный. — Иди давай, Бреда уже готова убивать.

Бредой за глаза называли Берту, начальницу нашего зельеварного отдела. Она была подругой самой Верховной, и обладала столь же скверным, колючим характером, как и ее статус.

— Иду, — вздохнула я, чувствуя, как в груди закипает привычное раздражение.

Я направилась к дверце туалета. Оказавшись внутри тесного, пахнущего хлоркой помещения, я плотно прикрыла за собой дверь. На стене висело огромное, яркое панно, расписанное магическими символами. Я сделала глубокий вдох, сосредоточилась на точке перехода и уверенно шагнула прямо в стену, проходя сквозь плотную материю, как сквозь густой туман.

— ЯГИНСКАЯ! — оглушительный вопль Бреды встретил меня еще до того, как я успела полностью материализоваться в просторном холле РОЗ (Районного Отделения Зельеварения).

У меня внутри всё сжалось. Я едва сдержалась, чтобы не попытаться прочистить ухо, которое мгновенно заложило от этого ультразвукового рева. Но я знала: злить Бреду — значит подписать себе приговор на неделю сверхурочных.

— Ягинская, где тебя носит? Ты опоздала! — она стояла посреди коридора, размахивая руками, как ветряная мельница в шторм.

— Восемь часов пять секунд, — флегматично ответила я, бросив взгляд на свои умные часы. — Из них пять секунд вы уже тратите на то, чтобы выговаривать мне за мое якобы опоздание.

— Молчать! — взвизгнула она, заставив меня болезненно поморщиться. — В восемь ноль-ноль ты должна быть на посту, в спецодежде и ждать моих распоряжений!

Мне показалось, что она хотела добавить, что ждать я должна с самым подобострастным и глупым видом, но вовремя прикусила язык. Я не стала спорить — спорить с Бредой было так же бесполезно, как пытаться остановить лавину голыми руками.

Внезапно в мою сторону, со свистом рассекая воздух, прилетела какая-то синяя, бесформенная тряпка. Я поймала ее на лету и с ужасом развернула. Это был халат. Не просто халат, а нечто ужасающее, из тех, что носят уборщицы в самых захудалых придорожных кафе: огромный, нелепый, из грубой, колючей синтетики.

Я тяжело вздохнула и провела рукой по ткани, незаметно запуская заклинание дополнительной очистки и модификации. Ткань под моими пальцами начала меняться: грубая синяя материя превратилась в уютный, мягкий шелк бирюзового цвета, а огромные и грубые пуговицы сменились изящными цветочками из перламутра. Я приталила халат, чтобы он не висел на мне мешком, и натянула его на себя.

— Сегодня ты убираешься в пятой лаборатории! Ступай туда! — скомандовала Бреда, тыча в сторону коридора.

— Убираюсь? — я не выдержала, и мой голос дрогнул от обиды. — Я думала, сегодня моя отработка включает варку зелий!

— Варить зелья?! — она буквально задохнулась от возмущения. — Да тебя к котлам близко подпускать нельзя, ты же всё испортишь своей небрежностью! Иди давай, а то за каждую минуту промедления получишь дополнительный час отработки!

Я сжала зубы так сильно, что челюсть свело. Внутри меня всё кипело, словно перегревшееся на огне зелье в неисправном реторте. Уныло побрела в сторону пятой лаборатории, стараясь не смотреть на удаляющуюся фигуру начальницы.

Пятая лаборатория была моим персональным адом. Это было изощренное наказание, придуманное специально для таких, как я. Именно здесь варили самые мерзкие, токсичные и вонючие составы: яды, гнилостные эликсиры и дегтярные припарки. Запах здесь стоял такой, что даже самые мощные артефакты очистки воздуха работали на пределе возможностей, лишь слегка приглушая удушливую вонь.

Сотрудники «пятерки» — люди суровые, привыкшие к запаху разложения — старались дружить с сотрудниками первой лаборатории, где создавали изысканные ароматические смеси, периодически пробуя той или иной смесью заглушить идущий от них запах. Те, кто работал в пятой, обычно были либо фанатиками-одиночками, либо людьми, которые настолько утратили связь с миром, что им было абсолютно всё равно, чем пахнет их собственная кожа.

Глава 6

— МагхИя! — раздался гундосый, дребезжащий голос откуда-то сзади. — Пгхивед!

Я вздрогнула и резко обернулась, едва не заехав веником по чьим-то коленям. Нос к носу я столкнулась с Костиком. Мы с ним когда-то вместе просиживали ночи в библиотеке Академии, пытаясь расшифровать древние фолианты по иллюзорному колдовству.

Уж что-что, а зельеварение ему давалось куда лучше, чем мне. Порой он даже помогал мне с практическими работами, когда мои составы вели себя слишком своенравно. Впрочем, наша преподавательница, Бреда, всегда оценивала его старания крайне низко. Она его недолюбливала, а уж со мной у нее нелюбовь была особенно ощутимой и, кстати, взаимной.

Сейчас Костик выглядел забавно. На кончике его носа была намертво прилеплена какая-то странная медицинская прищепка, из-за чего его голос приобрел характерную гундосость. На нем был надет помятый, пятнистый от реагентов лабораторный халат, а на глазах красовались огромные магические окуляры. Благодаря наложенному на линзы заклятию, его глаза казались размером с чайные блюдца, что придавало ему вид испуганного насекомого.

— Ды отсюда дуд? — спросил он, наклонив голову набок.

Я тяжело и протяжно вздохнула, чувствуя, как подступающая усталость сменяется раздражением. — Штрафные работы, Костя. Обычная рутина.

Приятель понимающе кивнул, и в этом кивке было столько сочувствия!

— Гаиса? — коротко осведомился он.

— Угу, — ответила я, стараясь не смотреть на его прищепку. — Раиса послала. А ты что здесь делаешь? Теперь в штате?

— Ага, — вздохнул Костик, поправляя сползающие очки. — Бгдта сказала, что я — высочга, и послала сюда. На пегевоспидание.

Я невольно поморщилось. Специфический запах, исходящий от его халата — смесь прохнутой мандрагоры и жженой шерсти — ударил мне в нос.

— Сочувствую, — выдавила я, прикрывая нос краем своего платка. — Постарайся не дышать слишком глубоко, а то подцепишь какую-нибудь гадость.

— Дадно, пойду я на склад, дам новые инггедиенды пгибыли, — пробормотал он, уже теряя ко мне интерес. — Удачи тебе!

Внезапно он замер, прислушавшись к тяжелым, размеренным шагам в коридоре. Его глаза за линзами расширились еще сильнее.

— Бгедта идёд!

Костик испарился так быстро, будто его растворили в кислоте. Я не осталась в стороне. Схватив первый попавшийся веник, стоявший в углу, я принялась лихорадочно имитировать бурную деятельность. А пыли этой, надо сказать, было столько, словно тут как минимум год никто не убирался. Впрочем, не удивлюсь, если так оно и было: вряд ли по доброй воле в эту лабораторию кто-нибудь пойдет работать.

Дверь распахнулась с таким грохотом, будто её выбили тараном. На пороге стояла Берта. Она смерила меня взглядом, в котором читалось нескрываемое презрение, и замерла.

— Чтобы к вечеру тут была чистота идеальная! — пронзило пространство её резкое, как удар хлыста, замечание.

Не дождавшись ответа, она брезгливо поморщилась, словно само присутствие меня в этой пыли оскверняло её эстетическое восприятие, и захлопнула дверь.

Я выдохнула и тут же бросилась к окну. Оно было заляпано грязью, но, когда я распахнула его, в помещение ворвался поток свежего, прохладного воздуха. Я стояла, прислонившись к подоконнику, и пыталась выветрить из легких запах этой лаборатории.

Когда туман в голове рассеялся, я достала из рюкзака Филю.

— Ну что, дружок, пора включать режим уборщика!

— Да я еще и отдохнуть-то толком не успел! — раздался его ворчливый, дребезжащий голос.

— Пожалуй, всё же придется брать с собой Гертруду, а не тебя. Она гораздо выносливее, видимо, — демонстративно сокрушалась я, хотя знала, что Филя — лучший помощник, если его не злить.

— Да ладно, уж и пошутить нельзя! — буркнул он и пополз по полу, вычищая углы.

Я присела на подоконник, глядя на суету города внизу. Мысли текли тягуче и мрачно. Жизнь в мегаполисе при коване становилась всё более удушающей. Правила, протоколы, бесконечные обязательства... Меня душила эта зависимость от иерархии. Например, я обязана была лечить тех, кого направила ко мне Верховная ведьма, даже если прекрасно понимала, что мое лечение этим людям не поможет. Потому что не могу я лечить от сумасбродства, глупости и мнительности.

Недавно женщина, чья головная боль была лишь симптомом её патологической мнительности, кричала на меня так, будто я была виновата в её несчастье.

— Ваша головная боль оттого, что вы слишком цепляетесь за своего бывшего мужа! — сказала я ей тогда, пытаюсь достучаться до здравого смысла. — Живите своей жизнью, отпустите его!

— Да мы тридцать лет вместе прожили! — вопила она, и её голос сорвался на ультразвук. — Как я могу его отпустить? Вы... вы все предатели! Как и мои друзья! Бывшие.

Я смотрела на неё и думала: сколько же терпения должно быть у мужчины, чтобы тридцать лет выносить подобный эмоциональный террор? Но ковен не терпит дискуссий.

А еще ковен пытался мне указывать на то, кого я не должна лечить по их мнению.

— Оборотни — наши враги! Даже близко их к себе не подпускай! — говорила Раиса

Но лично я никогда не встречала оборотней и в ее словах уже начинала сомневаться.

И вот я стою между двух огней: с одной стороны — неадекватные клиенты, с другой — предвзятая политика ковена, запрещающая помогать тем, кто, по сути, не является угрозой.

Цоканье каблучков в коридоре вырвало меня из раздумий.

— Филя, прячься! — скомандовала я. Филя мгновенно уменьшился, превратившись в обычную фарфоровую тарелку. Затем, хоть и недовольный такой унижительной ролью, он все же сжался до размеров блюдца, и я поспешно спрятала его в шкафчик для посуды.

Дверь распахнулась. Берта вплыла в комнату, окутанная аурой раздражения.

— Ягинская! Ты чем тут занимаешься? — внезапно взвизгнула она, хотя я всего лишь махала веником.

— Вы же сами велели мне здесь убратся, — растерянно ответила я. — Вот, собираюсь посуду помыть...

Берта окинула взглядом чистые углы, которые только что обработал Филя, и её лицо исказилось.

— Прекращай это идиотское занятие и иди за мной! — скомандовала она и, резко развернувшись, направилась к выходу.

Я лишь пожала плечами. Если начальница хочет, чтобы я занималась ерундой, я буду ею заниматься. Но когда она привела меня к своему кабинету и приложила ладонь к замку, я замерла. Дверь распахнулась, и я едва не вскрикнула.

Весь кабинет — весь пол и остальные поверхности, вроде массивного дубового стола и книжных полок — был покрыт слоем белых перьев. Но это не были просто перья. Каждое из них было намертво впечатано в нечто черное, вязкое и ужасно пахучее. — Что это за... — я не договорила.

— Твоя задача — ЭТО убрать! — прошипела Берта, указывая на хаос. — Пока не очистишь всё до блеска, домой не пойдешь!

Я почувствовала, как внутри закипает гнев.

— Да я ж и за неделю с этим не справлюсь! — возмутилась я. — У меня всего четыре часа отработки в день, мне потом еще на основную работу нужно!

Но Берта уже не слушала. Она лишь кивнула в сторону подсобки, мол, инвентарь там, и вышла, оставив меня наедине с этим кошмаром.

Я подошла к столу и осторожно коснулась поверхности. Перья прилипли к чему-то черному и липкому. Это был деготь. Густой слой дегтя, поверх которого кто-то (или что-то) щедро рассыпал белые перья.

И вот как теперь это убирать?

Глава 7

Я стояла посреди кабинета и растерянно оглядывалась по сторонам. Запах стоял такой, будто здесь только что просмолили днище пиратского галеона, а поверх этого устроили бой подушек на птицефабрике.

– Кузьминична! – позвала я, стараясь не дышать носом.

Никакой реакции. Я кашлянула, отгоняя белое перо, норовившее залететь в глаз, и позвала громче:

– Кузьминична, это я, Яга! Откликнись!

В дальнем углу, за шкафом с гримурами, что-то зашевелилось. Воздух пошел рябью, и передо мной материализовалась маленькая пухленькая женщина. Одета она была в льняной сарафан с богатой, почти светящейся вышивкой, а на голове был повязан платок, расшитый бисером и защитными рунами.

– Яга? – удивленно воззрилась на меня домовиха, опираясь на воображаемую метлу. – А ты-то что тут делаешь?

– Штрафные работы, – коротко и обреченно пояснила я. – Кузьминична, что тут произошло? Я озадаченно обвела глазами кабинет, где толстым слоем лежали перья, а мебель была покрыта черной, вязкой субстанцией.

– А, это... – домовиха досадливо махнула рукой, поднимая облако пуха. – Это Кешка Кошечев озорничает. Ты же знаешь, он с Бредятиной этой не в ладах.

– С Бертой? – уточнила я, пытаюсь отлепить подошву ботинка от пола.

– Ну да, с Бредой этой... тьфу, ну и имечко у неруси! – презрительно фыркнула Кузьминична, сплевывая через левое плечо. – Я ее недолюбливаю. Вечно ей всё не то и не так. Блюда у меня для нее шибко пресные, постель я не по фэн-шую складываю, а веник в углу, видите ли, ауру портит. Всё уволить грозитя!

– Да не уволит она тебя, – постаралась я успокоить духа. – У вас же трудовой договор на двести лет заключен, с привязкой к очагу. Штрафные санкции там такие, что ей дешевле новый особняк построить, чем тебя рассчитывать.

– Да я б и сама ушла! – вздохнула толстушка, поправляя платок. – Надоела мне эта корпоративная магия, сил нет.

– Так что там с Кешкой? – вернула я ее к теме, смахивая перо с плеча.

Кешка Кошечев был внучатым племянником Иоанна Кошечева, известного ведьмака и магната по прозвищу Кощей Бессмертный. Семейство славилось отменным здоровьем, долголетием и умением монетизировать темные искусства. Сам Иоанн, говорят, недавно с размахом справил тысячный день рождения, подарив себе новый замок в Альпах. Кешка же был пацаном живым, озорным и помешанным на гаджетах, чем кардинально отличался от своего консервативного дядьки. Мне этот мальчишка нравился. А вот Берте, фанатке «классической ведьмовской эстетики», он был как кость в горле, и она постоянно кляузничала на него Кошеем старшему.

– Да Кешка озлился, что Бреда его дядьке опять наябедничала, – зашептала домовиха, словно боясь, что стены имеют уши. – Он ее магическое яблочко, что по блюдечку катается да разные места нездешние показывает, хакнул! Надкусил и сказал, что теперь это... этот, как его... Эппл! И что кататься оно должно по... ай-паду. Короче, стерва эта разозлилась и наябедничала Кошеем. Тот мальчишку наказал: запретил на неделю играть в Майнкрафт и забрал видеокарту. Кешка обиделся, да вспомнил, что читал в вашем архиве, как в древности ведьм наказывали: обливали дегтем и обваливали в перьях. Да только что-то он в коде заклинания напутал: в итоге в дёгте и перьях кабинет, а не сама ведьма.

– Понятно, – протянула я, оценивая фронт работ.

Легче мне не стало. Бороться с проклятым дегтем обычной шваброй — дело неблагодарное. Я прошлась по кабинету, задумчиво постукивая пальцем по подбородку.

— Кузьминична, ложку дашь?

— Чайная сойдет? — деловито спросила та, и прямо из воздуха в ее руке материализовалась серебряная ложечка с гравировкой.

— Сойдет.

Я с трудом отковырнула ложкой кусок застывшего дегтя от паркета, стараясь не испачкать рукава, и отправилась в пятую лабораторию.

Костик уже сидел за своим рабочим столом, окруженный облаком пара и запахом озона. Он внимательно разглядывал пробирку с жидкостью подозрительного кислотного цвета. Необычной формы очки-гоглы делали его похожим на удивленную рыбу, а на носу красовалась обычная бельевая прищепка.

— Костик! — окликнула я приятеля. — Ты сможешь сделать растворитель, который быстро и без последствий уберет вот это?

Я протянула ему ложку. Костик осторожно взял ее за ручку, придвинул к лампе. Потом снял прищепку, принялся, поморщился и согласно кивнул:

— Деготь березовый, отягощенный подростковой обидой и остаточным фоном от техники «Apple». Ща сделаю!

Дальше началось настоящее волшебство. Именно так выглядит творческий процесс алхимика-зельевара, погрузившегося в стихию. Костик, почти не глядя, вынимал из шкафчиков пузырьки с этикетками вроде «Слеза феникса (дженерик)» и «Экстракт василиска 0.5%». Он капал их в реторту, что-то бормотал под нос, помешивая стеклянной палочкой, и периодически подогревал дно горелкой Бунзена.

Через полчаса жидкость в реторте сменила мутновато-зеленый цвет на ярко-бирюзовый, а по поверхности пошли искры.

— Готово! — удовлетворенно сообщил Костик. Он перелил зелье во флакон, накрутил насадку-распылитель и пшикнул на ложку. Раздалось тихое шипение, и дегтя на серебре не осталось — ложка сияла, как новая.

— Костик, ты гений! — обрадованно чмокнула я друга в щеку, схватила флакон и умчалась обратно.

В кабинете Берты я вдохновенно начала опрыскивать помещение. Бирюзовая взвесь оседала на мебели и стенах, и деготь тут же растворялся, стекая на пол безобидной серой водой, которая тут же испарялась. Но вот перья никуда не девались. Обнаружилась еще одна, куда более серьезная проблема. Средство странно действовало на элитный ковер, лежащий посреди кабинета. Видимо, Берта, хваставшаяся, что ковер «ручной работы из шерсти карпатских троллей», купила дешевую подделку на синтетическом клее. Растворитель Костики с легкостью пробил эту алхимическую защиту. Прямо на глазах ковер начал распадаться на короткие разноцветные нитки, которые тут же перемешались с белыми перьями, превратившись в жуткий винегрет.

— Ну вот, — вздохнула я. — Филя, твоя очередь!

Я открыла рюкзак и выпустила на волю свой пылесос. Филя, приняв форму компактного робота-цилиндра, радостно пискнул.

— Ого! Сколько еды! — проскрипел он динамиком и ринулся в бой, жадно всасывая перья, нитки и остатки магической слизи.

Через полчаса раздувшийся, потяжелевший и явно обожравшийся пылесос уже не мог двигаться. Он стоял в углу идеально чистого помещения, тихо икая и периодически выпуская из небольшого отверстия на крышке мыльные пузыри с застрявшими внутри перышками.

На полу, освобожденном не только от мусора, но и от ковра, что-то блеснуло. Я наклонилась и увидела небольшое, тоненькое колечко. Металл был тусклым, похожим на старую медь,

но когда я коснулась его пальцами, по коже пробежал легкий, почти незаметный разряд статического электричества. Простенькая вещица, но с явным магическим фоном. Я сунула кольцо в карман джинсов: потом отдам Берте, пусть радуется, что хоть что-то уцелело.

С чувством выполненного долга я вышла на улицу. Филя, уменьшившийся до размеров тарелки, лежал у меня в рюкзаке. На мою просьбу трансформироваться в самокат и довезти меня до дома он ответил категорическим отказом.

– Я не в состоянии! – возмутился он из-за пазухи. – Я обожрался тролль-шерсти, у меня изжога!

Всю дорогу он время от времени громко икал в моем рюкзаке, заставляя меня вздрагивать.

Прохожие оборачивались. Один мужчина в костюме, проходя мимо, одобрительно кивнул на мой рюкзак и сказал:

– Интересный у вас звук на уведомления в смартфоне настроен. Очень... оригинально.

– Да, – устало улыбнулась я, похлопывая икающий рюкзак. – Эксклюзивная прошивка.

Глава 8

Я уже почти подошла к своему дому, когда из густых зарослей сирени недалеко от парадной вдруг раздалось тихое, но настойчивое:

– Пссс... Яга!

Я замерла, всматриваясь в кусты. Ветви раздвинулись, и в глубине куста я с трудом разглядела светлую вихрастую голову. С худенького, слегка перепачканного лица на меня смотрели яркие, неестественно синие глаза. Кешка, как и все Кошечевы, обладал аристократичной, почти хищной худобой, длинными ногами и руками. В свои тринадцать лет он уже перерос меня на полголовы и продолжал стремительно тянуться вверх, напоминая своей подростковой нескладностью побег бамбука.

– Кешка? – удивилась я, подходя ближе. – Ты что тут делаешь? В засаде сидишь?

– Тихо ты! – прошипел мальчишка, пугливо озираясь. – Лезь сюда, ко мне!

Я огляделась. Двор был пуст, только вдалеке лениво тявкала собака. Пожав плечами, я нырнула в кусты.

Под сиренью оказалось на удивление уютно. Кешка обустроил тут настоящую берлогу: на примятой траве был расстелен клетчатый плед, горела маленькая светодиодная гирлянда на батарейках, а на импровизированном столике из перевернутого ящика лежал надкушенный бутерброд с толстым куском дешевой «Докторской» колбасы. Я посмотрела на этот шедевр стрит-фуда и хмыкнула:

– Дорвался? Дядька-то, небось, колбасой не кормит?

Иоанн Кошечев, глава их эксцентричного семейства, был убежден, что секрет его тысячелетнего долголетия кроется в жесточайшем ЗОЖе. Кошей-старший истово занимался йогой, пил только талую воду и строжайше вегетарианствовал. И хотя в этой конкретной колбасе мяса днем с огнем не сыщешь (одна соя и усилители вкуса), племяннику употреблять подобный «мусор» было строжайше запрещено под угрозой лишения карманных денег.

– Не-а, – вздохнул мальчишка, смущенно пряча бутерброд за спину и почесывая вихрастую голову. – Но он со своими адептами в йога-тур куда-то на Тибет укатил. Чакры, говорит, надо чистить. А меня перепоручил другому дядьке, по отцовской линии. Да только Соловей Разбойник тоже в отъезде. У него гастроли начались. «Золотое кольцо по тюрьмам России» называется. Шансон поет, набирает авторитет, короче.

– А присматривать за тобой кому-то поручил?

– Кикиморе Глафире. Подружке своей болотной, – Кешка закатил глаза. – Да ей вообще фиолетово, где я и чем питаюсь. Она сейчас новый сезон бразильского сериала смотрит, из болота не вылезает.

– Понятно, – вздохнула я, сочувствуя парню, которого родственники передавали друг другу, словно горячую картошку.

– А у мамки опять показы?

– Ну да... – Кешка грустно пнул носком кроссовка пустую банку из-под газировки. – Мне кажется, она вообще забыла, что у нее сын существует.

Кешкина мама, топ-модель с мировым именем, обладала той же тонкой, почти прозрачной фигурой, что и все Кошечевы. У меня давно зрело подозрение, что в их родословной где-то затесались эльфы. Эта дамочка в свои пятьдесят пять выглядела на восемнадцать, активно строила карьеру и жила между Миланом и Парижем, свято веря, что материнство — это просто еще один пункт в ее идеальном ежедневнике.

Я с тоской взглянула на его жалкий бутерброд и решительно скомандовала:

– Собирай свой лагерь. Пошли ко мне. У меня борщ сварен, покормлю тебя по-человечески. Сама я, конечно, у плиты не стояла — после зачистки кабинета Берты у меня не

было ни сил, ни желания. Но, уходя утром из дома, я строго велела своему заговоренному горшочку-мультиварке приготовить к обеду наваристый борщ с говядиной.

Кешка спорить не стал. Его глаза заинтересованно блеснули. Мы осторожно выбрались из кустов и пошли к моей парадной, по дороге заскочив в соседний ларек за банкой жирной сметаны и черным хлебом.

В моей квартире пахло божественно: густым мясным бульоном, томатной пастой и свежеприготовленными чесночными сухариками. Не знаю, как у Кешки, но у меня, с утра не имевшей во рту и маковой росинки, сразу же заурчало в животе, а слюноотделение вышло из-под контроля.

Я только успела скинуть куртку и вымыть руки, как из гостиной раздался Кешкин восторженный возглас:

– Ого! Котик!

– Нет! Не трогай! – заорала я и, шлепая тапками, кинулась спасать бедолагу от безмерной и разрушительной детской любви.

Я примчалась на кухню ровно в тот момент, когда над несчастным, перебинтованным животным уже была занесена длинная Кешкина рука с растопыренными пальцами.

– Я только погладить... – уныло протянул парень, застыв в нелепой позе.

– Понимаю, – ответила я, мягко отстраняя его. – Но котик — мой пациент. Он тяжело ранен, у него шок, и сейчас его нельзя трогать. Вообще. Даже дышать на него лишний раз не стоит.

Кешка насупился, но руку убрал. Что же касается кота, то тот лежал на своей подстилке, не шевелясь, и всем видом пытался притвориться мертвым. Но его напряженная поза и прижатые уши говорили о том, что он приготовился к худшему: к тому, что его сейчас начнут тискать, сюсюкать и нарушать личные границы. Кот крепко зажмурился, ожидая боли, и только когда убедился, что нависшая угроза миновала, с трудом приоткрыл один желтый, полный вселенской скорби глаз.

– Кто его так? – сочувственно спросил Кешка, усаживаясь на табуретку на безопасном расстоянии. – И за что?

– Не знаю, – вздохнула я, разливая борщ по тарелкам. – Нашла его в парке уже в таком виде. Похоже, стая бродячих собак потрепала. Еле отбила.

– Бе-е-едненький... – протянул Кешка, с жалостью заглядывая в несчастные глазки зверя.

Как ни странно, эта самая жалость коту категорически не понравилась. Он лишь презрительно фыркнул, отвернулся от гостя и демонстративно начал вылизывать перебинтованную лапу, всем видом показывая: «Я суровый хищник, а не ваша плюшевая игрушка, уберите свои сопли». Я мысленно выдохнула: пациент явно шел на поправку, раз у него уже хватало сил на высокомерие.

Кешка уплетал борщ с такой скоростью, будто не ел неделю, и только успевал хрустеть сухариками. Я тем временем положила в маленькое блюдце пару ложек сметаны и поставила перед котом. Тот прекратил умываться и с подозрением посмотрел на меня.

– Немножко сметанки уже можно, – ласково сказала я. – Но без фанатизма. Для микрофлоры.

Кот сунул розовый нос к блюдцу, принялся и... расстроено отвернулся. Видимо, я несколько преждевременно решила, что зверь готов к гастрономическим подвигам. Аппетита у него, похоже, еще совсем не было.

– Ну хоть чуть-чуть! – уговаривала я его, как капризного ребенка. – Силы-то тебе нужны для регенерации тканей!

И котик, похоже, меня понял. Или просто устал от моего занудства. Он нехотя снова сунул нос в блюдце, слегка лизнул. Замер на несколько секунд, словно сомелье, вслушиваясь в

свои внутренние ощущения. Потом лизнул еще раз. Слизав ровно половину, он тяжело вздохнул, снова лег на подстилку и отвернулся к окну, давая понять, что прием окончен.

– Кеша, – решила я переключить внимание мальчика на другие, более злободневные вопросы, как только он выскреб тарелку дочиста. – Объясни мне, что ты натворил в кабинете Берты! И зачем?

– Видела, да? – хмуро спросил пацан, вытирая рот салфеткой. – Что-то я не так рассчитал. Ну или Бредятина эта защиту на себя поставила, вот и досталось не ей, а помещению.

Парень горестно вздохнул, а потом вдруг хищно улыбнулся:

– А представляешь, как классно бы она смотрелась в дегте и перьях! В своем-то белом костюме от Шанель!

Я покачала головой, поражаясь неумной фантазии подростка:

– Влетит же тебе от дядьки! Кощей Бессмертный шуток не любит.

– А, – махнул рукой Кешка. – В первый раз, что ли... И вообще, он там сейчас на этом Тибете медитирует, сливается с космосом. Успокоится как следует, небось и ругать не будет. Карма, все дела.

– Или наоборот, насмарку пойдет вся его медитация, и он вернется раньше времени, чтобы лично оторвать тебе уши, – парировала я.

Могу только посочувствовать родителям и опекунам таких шустрых, магически одаренных подростков, как Кешка. Тут никакая йога, тибетские чакры и пророшенная гречка от стрессов не спасут. Тут только валерьянка. Литрами. И то, боюсь, не поможет.

Глава 9

Роман

Рано утром Роман сквозь тяжелый, ватный сон слышал, как хозяйка хлопочет на кухне. Звякала посуда, шуршали травы, тихо бормотались какие-то заклинания — она явно собиралась в дорогу. Открыть глаза, чтобы проводить ее взглядом, он не нашел в себе сил. Все же та убойная пакость, которой она его поила на ночь, действовала не только усыпляюще, но и отупляюще. Во рту до сих пор стоял мерзкий привкус болотной тины и горькой полыни.

В очередной раз он продрал глаза, когда солнце уже стояло высоко, отбиваясь от пылинок в воздухе. Входная дверь со скрипом отворилась, послышались шаги, а затем Роман услышал голос. Голос был юношеским, ломающимся, с хрипотцой.

– Котик! – удивленно и восторженно воскликнул хозяин этого голоса.

И в ту же секунду Романа накрыло. Он почувствовал, что пахнет неприятностями. И хотя нос его предательски не работал, забитый то ли отеком, то ли магическими испарениями, этот «запах» ощущался самой шкурой. Роман почувствовал то, что чувствует практически любой кот или кошка, услышав громогласный детский вопль «Котик!». Это было чувство дичайшей, иррациональной паники, заставляющее бедное животное бежать и прятаться как можно дальше, забиваться в самые темные щели или, на худой конец, виснуть на люстре, лишь бы эти маленькие цепкие лапы до него не дотянулись.

Древний инстинкт заставил Романа дернуться, мышцы напряглись для прыжка. Но сбежать на переломанных, намертво зафиксированных в лубки лапах он не мог. Поцарапать наглеца до крови тоже было физически невозможно. Оставалось только пустить в ход последнее оружие — зубы. Израненный хищник ощерился, прижав уши, и приготовился вцепиться в занесенную над ним руку. Да, он знал, что детей нельзя ни кусать, ни царапать. Этот негласный закон был вшит в подкорку его человеческого и звериного сознания. Поэтому действовать предстояло угрожающе, но аккуратно. Как совместить оба этих понятия, он пока не понимал. Обычно, будучи в своей истинной форме, он просто выпускал когти и рычал — этого хватало, чтобы люди шарахались в ужасе. Но сейчас он был в теле обычного кота и, соответственно, в совершенно унижительном положении.

От мучительного выбора — укусить наглеца или мужественно стерпеть его поползновение — его спас женский голос.

– Нет! Не трогай! – воскликнула девушка, вихрем влетевшая на кухню.

Роман с удивлением уставился на нее: раньше он ее не встречал. У старой ведьмы тут что, проходной двор, а не квартира? Ходят все, кому не лень. Тем не менее, девушка была прехорошенькой. Рыженькая, с приятными мягкими чертами лица, огромными зелеными глазами и густой косой, перекинутой через плечо. Она смутно ему кого-то напоминала. Ну конечно! На бабульку, которая подобрала его с улицы и лечила, девушка оказалась очень похожа. Те же хитринки в глазах, та же стать. Родственница? Внучка? А пацан кто?

Роман взгляделся в мальчишку. Светловолосый, нескладный и какой-то невероятно худой, с любопытными синими глазами, он внимательно разглядывал перебинтованного «котика». *«Кормить они этого мальчишку не пробовали?»* — с профессиональным осуждением подумал Роман. *«Нормально кормить: мясом, птицей, рыбкой, молочными продуктами... В смысле, как всех растущих детей кормят. И физические тренировки ему нужны. Лучшие силовые, спарринги, чтобы мышцы подкачать. Хлипкий какой-то, в стае бы его сразу на побегушки определили».*

Пока оборотень так раздумывал, девушка рассказала мальчишке, что пострадавшего котика подобрали израненным, едва живым.

– Бе-е-едненький! – протянул жалостливо пацан.

И Романа это дико разозлило. Не привык он к тому, чтобы его жалели. Да и вообще, жалость его оскорбляла до глубины души. Он — взрослый, матерый хищник, гроза лесов и ночных улиц! И тут он с горечью вспомнил, что сейчас он — кот. Мелкое, пушистое и беззащитное существо. И теперь его жалеют какие-то дети. Роман обиженно фыркнул и демонстративно отвернулся от наглого пацана, который еще и сочувствовать ему вздумал.

Пока он с независимым видом смотрел в окно, девица с мальчишкой уселись обедать. Вскоре девушка положила в маленькое блюдо немного сметаны и придвинула ее к морде Романа. Тот понюхал угощение и понял, что для него оно сейчас почти ничем не пахнет. Ну откуда взяться аппетиту, когда ты запахов не чувствуешь, а во рту стоит привкус магического пойла?

Роман брезгливо отвернулся от миски, но девушка начала терпеливо объяснять ему, что немного поесть необходимо, чтобы хватило сил на дальнейшее выздоровление. Голос у нее был мягкий, но с теми самыми властными нотками, которые не терпят возражений. Пришлось ему преодолеть свое отвращение ко всему происходящему и все же слизнуть немного сметаны. Все-таки рыжуля эта была права: восстанавливать силы просто необходимо. Нужно срочно выздоравливать, возвращать свою форму и начинать решать ту проблему, из-за которой он вообще оказался в этом теле.

Как только все пообедали, девушка велела мальчишке, которого она звала Кешкой, вымыть посуду, а сама взялась за Романа. Она ловко сменила повязки, заодно обработав раны какой-то охлаждающей мазью, проверила его общее состояние и с удовлетворением отметила, что пациент явно идет на поправку.

Затем в рот Роману опять влили ложку какой-то гадкой, вязкой жидкости. Теперь у котика уже были силы сопротивляться такому произволу, он даже попытался сжать челюсти, но девушка была настойчива и ловка. К тому же она популярно объяснила больному, что, если он хочет как можно быстрее выздороветь и не остаться хромым на всю жизнь, ему необходимо пить лекарства. И ему пришлось смириться. Все-таки он был не совсем котом и вполне осознавал суровую необходимость лечения.

После всех этих манипуляций девушка сказала Кешке, что ей пора бежать на работу, и вскоре эта парочка удалилась из квартиры, плотно прикрыв за собой дверь. А Роман остался лежать на чистой, только что замененной подстилке и грустно смотреть в окно, наблюдая за тем, как по соседнему дереву скачут наглые, пузатые воробьи. Если бы он был в своей форме, он бы одним взглядом заставил их замолчать и попрятаться.

Он лежал и тихо ждал, когда же домой вернется она — эта рыжая красотка. Но она все не возвращалась. Зато вечером, когда за окном уже сгустились сумерки, в квартиру вошла уже знакомая ему старая ведьма.

— Марфа! — окликнул ее кто-то с площадки, когда она только открыла входную дверь. — Марфа, яичко не одолжишь?

— Сейчас дам, входи, — разрешила бабуля и сразу отправилась к холодильнику.

— А то я тут тесто собралась заводить, а яйца купить забыли, — оправдывалась вошедшая за ней женщина лет пятидесяти, видимо, соседка. — Ой, ты котика завела? Какой хорошенький!

Роман обиженно зажмурился и отвернулся к окну: ну начинается! Котик, да котик! Еще и погладить каждый норовит, умиляясь его «беззащитности». Фу, какая гадость! Он сам себе объяснял свое раздражение тем, что его, гордого оборотня, бесило ненужное, липкое внимание со стороны незнакомых людей. Но на самом деле, где-то в глубине души, он был искренне огорчен тем, что рыжая внучка Марфы так и не пришла. А ему так хотелось снова посмотреть на ее хорошенькое личико, полюбоваться ее ладной фигуркой и послушать ее голос. И это осознание бесило его куда больше, чем соседка с ее тестом.

Глава 10

Мария

Как начался мой день с дурдома, таким он и продолжился, плавно перетекая из одного акта абсурда в другой. В небольшой частной клинике, где я подрабатывала, сегодня был настоящий аншлаг. То тетка с лампочкой во рту явилась, то парень с колотыми ранами предплечий.

Нет, ну не смешно уже: каким идиотом надо быть, чтобы засунуть себе в рот лампочку накаливания? Точнее, идиоткой. Сколько уже историй на эту тему было в интернете! Начитались, видите ли, эзотерических форумов про «энергетическую чистку чакр через свет» и решили проверить на себе. А то, что дурак учится на своих ошибках, а умный — на чужих, в их светлых головах даже не мелькнуло. Пришлось вызывать МЧС и применять местную анестезию, пока бедняжка мычала и пускала слюни.

Да и парень с ножами хорош: решил выпендриться перед девушкой и показать чудеса своей ловкости, поиграть в метателя ножей. При этом ловкость эта существовала исключительно в его богатом воображении. И пришлось девушке, закатывая глаза и матерясь сквозь зубы, спасать окровавленного ухажера и тащить его в ближайшую клинику, ибо скорую у нас можно дожидаться только к моменту наступления клинической смерти.

На работу я приходила не в своем истинном обличье, а под видом пожилой Марфы Ильичны. Седой пучок, толстые очки в роговой оправе, запах валерьянки и нафталина — идеальный камуфляж. К сожалению, в нашем консервативном обществе молодым и хорошеньким девчонкам-врачам доверия мало, даже если у них диплом с отличием и пара-тройка магических способностей в придачу. Зато к ворчливой «Марфе» пациенты проникались доверием мгновенно, покорно глотая таблетки и слушая нотации.

Домой я вернулась выжатая как лимон, причем не столько физически, сколько морально. Не успела переступить порог квартиры и скинуть туфли, как в дверь позвонила соседка Зинаида.

— Марфуша, выручай! Яичко одолжи, а то тесто на пирог поставила, а в холодильнике шаром покати!

Я на автомате полезла в холодильник и чуть не сунула ей золотое, от курочки Рябы из моего дачного хозяйства. Вовремя спохватилась, заменив его на обычное, из супермаркета.

Кстати, надо бы позвонить Лёшке, которого я прошу в мое отсутствие подкармливать эту нахалку Рябу, и узнать, как у них дела. Ведь сколько раз просила ее не хулиганить и нести нормальные, белые яйца! Но нет-нет, да все равно выдает вот такой «эксклюзив». Лёшка — мужик неплохой, хоть и нелюдимый, пахнущий хвоей и сырой землей. Ну да что поделаешь: леший, он и есть леший. Работает лесником в хозяйстве рядом с нашим дачным поселком. Я знаю его с детства. Со своего, конечно, потому что Лёшка старше меня намного. На вид ему лет тридцать пять, но не удивлюсь, если ему стукнуло все сто тридцать. Но я все равно привыкла звать его по-свойски, Лёшкой. Бабушка моя сама его так звала, вот и я, мелкая сопля, переняла манеру. Леший не обижался, лишь хмыкал в густую бороду и называл меня в ответ Малявкой.

С тоской взглянула на золотое яичко, лежащее в корзине. Опять мороки не оберешься. Внутри тоненького слоя магического золота находится самое обычное, быстро портящееся куриное яйцо. И пока оно там не протухло и не начало вонять на всю округу, нужно идти к Костику в лабораторию, чтобы тот капнул на скорлупу специальным реагентом, проделав дырочку для слива содержимого. Потом, когда скорлупа высохнет, надо будет отнести эту золотую сферу братьям Горыновым.

Эти близнецы-тройняшки (да-да, их было трое) держали ювелирную мастерскую и втихушку скупали кое-какие необычные ценности. Не тащить же это яйцо к обычному ювелиру — вопросов не оберешься, еще и в полицию сдадут. Кощеевы, кстати, тоже от золота не отка-

зывались, но Кешка сказал, что его дядька в каком-то йога-туре. Вот и как он умудряется совмещать свой фанатичный здоровый образ жизни, медитации и очищение кармы с такой непомерной, чисто драконьей алчностью? Загадка.

Я вздохнула и повернулась к подоконнику, где на мягкой подстилке лежал мой пациент. Оказалось, котик и не думал спать. Он наблюдал за мной через приоткрытый глаз. Второй пока еще толком не открывался, хотя отечность уже почти спала. Я подошла, провела ладонью над его телом, считывая ауру и диагностируя состояние.

— Э, да ты симулянт, я смотрю! — воскликнула я радостно. — Раны уже почти затянулись, кости более-менее срослись. Вон, даже черная шерсть на выбритых местах пробиваться начала.

Кот посмотрел на меня с немим удивлением. Похоже, он себя пока здоровым не чувствовал, а мои слова счел за оскорбление.

— Так, хватит киснуть! — преувеличенно бодро заявила я, взяла подстилку вместе с котом и аккуратно опустила ее на пол. — Прыгать с подоконника тебе пока нельзя, но потихоньку перемещаться по квартире ты уже можешь и должен. Вон в том углу миска с водой, еда в блюдечке. В туалете я поставила тебе лоток с древесным наполнителем.

Кот посмотрел на меня так, будто я предложила ему решить дифференциальное уравнение. Но потом все же кое-как приподнялся на зафиксированных лубками лапах, сделал героическое усилие и... тут же рухнул обратно на подстилку. Лапы его предательски не держали. Полежав немного и собравшись с мыслями, он сделал несколько неловких движений, пытаясь ползти по-пластунски.

— М-да... — сокрушенно покачала я головой. — Ладно, сейчас чуток отдохну и подкачаю в тебя немного целительных сил. Сейчас я пока почти по нулям, выдохлась. Утром восстановлюсь нормально и смогу подлечить уже посерьезней.

Котик взглянул на меня тоскливо и с тяжелым вздохом опустил голову на пол.

— Кстати, может, пора тебе и имя дать? — спохватилась я. — А то что это я все «котик», да «котик»? Несolidно. Как мы тебя назовем?

Кот лишь презрительно отвернулся, демонстрируя, что такие мелочи его не волнуют. А я посмотрела на его шерстку.

— Черныш? — спросила я. Зверь не откликнулся, лишь дернул ухом. — Морсик? Арчибальд? Барсик?

Ноль внимания, килограмм презрения.

— Рэм? — выдала я внезапно.

Кот вздрогнул, замер и медленно повернул ко мне голову. В его желтых глазах мелькнуло что-то похожее на осмысленность.

— Вот и славно, — заключила я, довольно кивнув. — Значит, будешь Рэм. Коротко, звучно, по-мужски.

Сказав это, я удалилась в ванную, где, наконец, сбросила опостылевший облик Марфы. Горячая вода с пеной и эфирными маслами смыла не только усталость, но и фантомные боли в «старческой» спине. Немного придя в себя, я закуталась в пушистый махровый халат и вернулась на кухню уже в своем истинном обличье молодой Маши.

Рэм лежал, не открывая глаз, но стоило мне подойти, как он лениво приоткрыл один глаз. А потом увидел меня без маски и удивленно распахнул оба. Его зрачки расширились, заняв почти всю радужку.

— О, да у тебя и второй глаз, наконец, открылся! — рассмеялась я, приседая рядом на коврик. Я занесла над ним руку, и с кончиков пальцев сорвались теплые, зеленовато-золотые искры целительной энергии. Кот завороченно наблюдал за магией, а потом снова перевел взгляд на мое лицо, явно пытаясь сопоставить факты: утром — рыжая девчонка, днем — старая бабка, вечером — снова рыжая девчонка, но с магией. Его звериный мозг, похоже, дал сбой от перегрузки.

Подлечив внимательно наблюдающего за мной пациента, я предложила:

– Будешь сегодня спать со мной? Кровать у меня большая, королевская, вместимся. А на полу тебе еще холодно.

Судя по тому, как он осторожно, но доверчиво прижался к моей ладони, котик был не против. Я аккуратно взяла его на руки, стараясь не задеть больные места, и понесла в спальню.

По пути вспомнила про стирку. Собрала одежду, в которой была сегодня утром в РОЗе, и отнесла в ванную. Закинула сарафан в барабан умной стиральной машины и скомандовала:

– К утру все постирай, высуши и погладь, пожалуйста. Деликатный режим.

– Будет сделано, хозяйка! — бодро пообещала стиралка, мигнув синим дисплеем. А потом добавила уже более строгим тоном: — Внимание! В кармане обнаружен посторонний предмет. Извлеките во избежание порчи имущества.

Я удивилась: что за посторонний предмет у меня в кармане юбки? Открыла дверцу, достала сарафан и нашла в потайном кармашке тоненькое медное колечко, которое я подобрала на полу в кабинете Берты после Кешкиного погрома. Совсем про него забыла! Я вынула кольцо, осмотрела его. Простенькое, без камней, но с каким-то странным, витиеватым узором, который словно перетекал сам в себя. Не найдя, куда его положить, чтобы не потерять, я машинально натянула его себе на безымянный палец правой руки. Кольцо село идеально, будто было отлито по моему размеру, и металл оказался неожиданно теплым, почти горячим.

– Ладно, потом разберусь, — пробормотала я, снова отправляя сарафан в барабан. — Начинай стирку.

После этого я вернулась в спальню, переоделась в шелковую ночную сорочку под пристальным, немигающим взглядом Рэма и с наслаждением нырнула под тяжелое пуховое одеяло. Кот устроился в ногах, свернувшись аккуратным черным бубликом и тихо мурлыча. Я закрыла глаза. Спать! Наконец-то спать! И пусть весь мир подождет до утра.

Глава 11

Снилось мне, что бегу я по летнему лугу. Несусь по высокой, щекочущей кожу траве, которая мне, маленькой, по пояс, и звонко хохочу. Вокруг яркими, почти кислотными пятнами красуются полевые цветы, воздух густой от запаха меда и нагретой на солнце полыни. Мне легко, тепло и абсолютно беззаботно.

Но внезапно трава впереди расступается, и на тропинку выползает огромная змея. Изумрудная чешуя переливается на солнце, а холодные, немигающие глаза смотрят прямо в душу. Я резко торможу, едва не упав. Мне становится до дрожи страшно: я с детства панически боюсь змей. А змея, похоже, боится меня. Она встает в стойку, раздувая капюшон, шипит и покачивает головой, готовясь к броску. Я стою перед ней соляным столбом, онемев от ужаса.

– Маша, Маша! – раздался укоризненный, но такой родной голос бабушки. – Ты же Баба Яга! Хозяйка леса, а не Маугли из мультика. Что нужно сделать?

Я растерянно моргаю и, вспомнив любимый советский мультик, лепечу дрожащим голосом:

– Мы с тобой одной крови: ты и я!

Змея лишь презрительно шурится. На нее этот детский стишок не действует, она продолжает угрожающе покачиваться, примериваясь к моей щиколотке.

– Маша! – строго, с железными нотками, говорит бабушка. – Вспомни, кто ты!

Я вздыхаю, заставляя себя успокоиться. Сажусь на траву прямо перед хищницей и, заглянув в ее холодные глаза, говорю уже не детским лепетом, а низким, вибрирующим от силы голосом:

– Я тебя не трону. И ты меня не обижай. Ползи, куда ползла, по своим змеиным делам. Уходи!

Змейка медленно кивает, словно кланяясь, и бесшумно соскальзывает в траву, растворяясь в зелени.

А потом я вдруг почувствовала, что мир вокруг меняется. Мои босые ноги стали длиннее, трава теперь едва доходила до колен. Я оглядела себя: я уже взрослая, Мария Ягинская, дипломированная ведьма-целительница и по совместительству Баба Яга.

Я подняла глаза и обомлела. Передо мной, преграждая путь, стоял огромный белый тигр. Его шкура сияла, как первый снег, а глаза... глаза были пронзительно-синими, как сапфиры. Он смотрел на меня внимательно, без злобы, но мои ноги предательски подкосились от первобытного страха.

– Я... тебя... н-не трону, – бормочу я, пятясь.

Мне показалось, или эта гигантская кошка усмехнулась? Хотя нет, не кошка это, а кот. Не знаю почему, но я вдруг абсолютно точно поняла, что передо мной самец.

– Не обижай меня! Уходи по своим делам! – воскликнула я.

Но тигр и не думал уходить. Мало того, он сделал плавный, грациозный шаг мне навстречу и шумно принялся, обдав меня горячим дыханием. Я застыла, приготовившись к тому, что сейчас меня съедят. Но вместо клыков перед моим лицом оказался мужской подбородок с легкой небритостью. Образ тигра расплылся, словно акварель под дождем, и передо мной стоял довольно молодой мужчина. Темноволосый, синеглазый, с хищным прищуром.

– Ой... – не удержалась я от изумленного возгласа. – Вы кто?

– Роман, – не менее удивленно отозвался мужчина, хмуря густые брови. – А тебя как зовут, красавица? И... ты меня видишь? Человеком?

– Д-д-да... – растерянно ответила я. – Мария. Маша.

Мужчина огляделся по сторонам, проводя рукой по воздуху, словно проверяя его на ощупь.

– Так это сон, – вдруг понял он, и в его глазах мелькнула догадка. – Не пойму только, мой или твой.

– Видимо, наш общий, – сделала вывод я, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. – Только не пойму, как такое возможно.

Я внимательно разглядывала его. Красивый. Мужественные черты лица, длинные темные волосы разметались по широким плечам, легкая небритость, высокий рост. В общем, все, как я люблю. Может, потому и приснился, что подсознание выдало идеал? Хотя чего это я? Я — Баба Яга, личность независимая, самодостаточная и на внешность не падкая!

Вдруг над поляной раздался мужской, механически-скрипучий и смутно знакомый голос:

– Эй, хозяйка! Ты вставать-то думаешь? Подъем! Солнце уже высоко, а ты дрыхнешь!

Поляну накрыл густой белый туман, за которым тут же исчез Роман, а потом и сам луг растворился в небытии.

Я распахнула глаза. По спальне, сердито жужжа мотором, катался Филя и недовольно бухтел:

– Не добудись лентяйку этакую! Я тут уже кричу, кричу, а ей хоть бы хны!

Так вот чей голос я слышала во сне! Я повернула голову и замерла. Рядом на подушке, сладко спал котик, уткнувшись влажным носом мне в шею и довольно мурча. Вроде изначально он ложился в ноги. И как этот тяжелый, теплый комочек шерсти оказался на моей подушке, да еще и обнимая меня за шею лапой?

– А сколько времени? – негромко, чтобы не разбудить кота, спросила я у Фили.

– Так седьмой час уже! – отрапортовал пылесос. – Опоздаешь!

Я подскочила на кровати, аккуратно высвобождаясь из кошачьих объятий. Помимо того, что мне нужно было собраться и добраться до РОЗ, успев к восьми часам, так еще и Рэма я обещала подлечить перед уходом.

Заглянула на кухню, отчаянно зевая на ходу и путаясь в полах халата. Умная кофеварка, тихо загудев, проанализировала мой внешний вид и выдала:

– Исходя из состояния ауры и мешков под глазами, кофе нужно сварить покрепче. Двойной эспрессо.

Я согласно кивнула, а кофеварка добавила заботливым тоном:

– Пожалуй, и сахара добавить ложечку. Нет, две. И корицы. Для тонуса.

– Умница ты моя, – похвалила я свою помощницу и отправилась в ванную приводить себя в порядок.

Пить кофе, закусывая бутербродом с сыром, мне пришлось одной рукой, сидя на краю кровати. На тумбочке стояло блюдо и чашка с дымящимся ароматным напитком, а на кровати лежал Рэм, над которым я водила свободной рукой, спешно проводя сеанс целительной магии. Из моих пальцев сочился мягкий зеленый свет.

Рэм лежал спокойно, не мешая мне работать, и внимательно разглядывал меня своими глазами. Я замерла с бутербродом у рта. Странно. Я никогда не видела, чтобы у мейн-кунов были такие глаза. Изредка встречаются голубые, но ведь не синие же! Глубокие, сапфировые, с умным, почти человеческим прищуром. Точно такие же, как у того тигра из сна. Поскольку до этого Рэм почти не открывал опухших век, я только сейчас смогла разглядеть их необычную, завораживающую расцветку.

От моих тревожных размышлений меня отвлек голос Фили:

– Нет, ну мы идем или как? – привычно бурчал он, наматывая провод на корпус. – Опоздаешь, Берта съест тебя и не подавится! А я без хозяйки вообще сирота!

Я вздохнула, отгоняя странные мысли: он был прав.

– Ладно, идем, – встала я с кровати. – Рэм, а ты выздоравливай! В обед приду, провожаю тебя. И... спасибо, что грел.

Кот тихо мяукнул, а мне показалось, что в этом звуке проскользнула интонация: «Не за что, красавица». Я тряхнула головой. Надо меньше спать с кошками в обнимку, крыша едет.

У фалафельной, которая служила тайным проходом в РОЗ, я вдруг сообразила, что у меня на пальце все еще красуется то самое тонкое медное кольцо, которое я нашла в кабинете Берты и собиралась ей вернуть.

Я попыталась снять его, но не тут-то было. Кольцо удивительно плотно сидело на пальце, словно приросло к коже, и ни в какую не собиралось сниматься. Металл был странно теплым, почти пульсирующим. Подергав его и так, и этак, я поняла, что быстро не справлюсь, а времени у меня было в обрез. Психанув, я тряхнула рукой и рывкнула, вложив в голос каплю ведьмовской силы:

– Ну ты бы хоть невидимым стало, что ли! А то Берта заметит, скандала не оберешься! И кольцо послушалось! Медь на мгновение вспыхнула, а потом вдруг стала абсолютно прозрачной. Я моргнула — кольца не видно. Только на ощупь, проведя подушечкой большого пальца, я могла определить его наличие на безымянном.

– Ого, – пробормотала я. – Послушная вещь.

В РОЗ я ворвалась ровно за минуту до восьми. И за полминуты до того, как в холл, цокая каблучками, вошла Берта. Я как раз успела натянуть на себя спецформу (вчерашний халат, который стиралка идеально отгладила), когда начальница появилась в помещении, источая запах дорожных духов и недовольства.

– А, Ягинская... – поморщилась она, окинув меня взглядом, словно грязь на подошве. – Ты сделала все, что я тебе вчера велела?

– Все сделала, – кивнула я, стараясь дышать ровно. – Убрала все перья, деготь отмыла, пыль протерла.

– Ладно, – кивнула Берта, даже не подумав поблагодарить. – Сейчас проверю. Если хоть одно перышко найду — заставлю отрабатывать дополнительно.

И она, гордо вскинув подбородок, двинулась в свой кабинет. Я за ней не пошла, поскольку никто меня туда и не звал. Стояла в холле, пила остывший кофе из стаканчика и ждала дальнейших распоряжений. Тишина в коридоре длилась ровно десять секунд.

А потом холл сотряс такой вопль, что задрожали стекла в окнах, а Филя в моем рюкзаке испуганно пискнул.

– ЯГИНСКАЯ!!! ЧТО ТЫ НАТВОРИЛА?!

Глава 12

Врываясь в кабинет Берты, я морально подготовилась к апокалипсису локального масштаба. Ожидала всякого: что там снова все окажется покрыто вязким дёгтем и белыми перьями, или, например, что посреди комнаты зияет воронка от магического взрыва. Но ничего подобного не было. Кабинет выглядел именно так, как я его оставила вчера вечером: стерильная чистота, ни пылинки, ни перышка, паркет сияет.

Я удивленно воззрилась на начальницу, которая стояла посреди комнаты, багровея от натуги:

— А что не так? Вы велели убратся, я убралась. Идеально же!

— Где ковер-р-р?! — зло прорычала ведьма, и от ее вибрации задрожали стекла в окнах.

— Ковер? — я обвела взглядом чистенький пол, на котором не осталось даже ворсинки.

— Так это... растворился.

— Куда он растворился?! — продолжала орать Берта, и над ее головой уже начали проскакивать злые фиолетовые искры. — Как он, по-твоему, мог раствориться?!

— Ну, на нем был толстый слой дёгтя, — честно и максимально логично пояснила я. — Когда я обрабатывала его алхимическим растворителем, дёготь вступил в реакцию с клеевой основой, и ковер распался на молекулы. Химия, знаете ли.

— Да как ты смеешь... Да ты хоть понимаешь, что это был за ковер?! — Берта уже почти задыхалась от возмущения, хватаясь за грудь. — Мне его сам Али-Баба подарил! Он же летающий... был когда-то!

— Али-Баба летающий? — решила уточнить я, искренне удивляясь.

— Ковер-р-р! — взвизгнула ведьма, топнув ногой.

— Правда?! — воззрилась я на нее с неподдельным изумлением.

Летающие ковры были жутким раритетом. Их давно не выпускали из-за проблем с экологией (они оставляли негативный след в астрале), и обзавестись таким сокровищем, чтобы потом бросить его на пол в кабинете, дабы все подряд топтали его грязными подошвами — это было за гранью моего понимания.

— Вон! — проорала Берта, тыча дрожащим пальцем в дверь. — Чтобы глаза мои тебя не видели! В пятую лабораторию! Марш!

Я тяжело вздохнула и поспешила покинуть кабинет, пока в меня не полетело что-нибудь тяжелое. По дороге в коридоре я тихо позвала Кузьминичну. Домовиха отозвалась сразу же, материализовавшись из узора на обоях.

— Влетело? — с сочувствием спросила она, поправляя платок.

— Угу, — уныло ответила я, а потом махнула рукой. — А, плевать! Она бы все равно нашла к чему придратся. Слушай, а он что, и правда был летающий, ковер тот?

— Был, — подтвердила Кузьминична, хитро прищурившись. — Но очень давно. Там моль давно все магические нити сожрала, он и по земле-то еле скользил.

— И что, правда, что сам Али-Баба подарил его Берте? — продолжала я свои расспросы, снижая голос до шепота.

— И это святая правда, — оживилась домовиха, обожавшая сплетни. — Говорят, в юности попала она в его гарем и так достала бедолагу своими нравоучениями и требованиями, что тот даже выделил ей свой старенький ковер-самолет, лишь бы депортировать ее куда-нибудь подальше и больше никогда не видеть.

Я не удержалась и хихикнула:

— Я его прекрасно понимаю! Я бы сама так поступила: отдала бы самое ценное, лишь бы отправить ее подальше.

И, горестно вздохнув о тяжелой доле восточных султанов, я отправилась в пятую лабораторию.

Приветственно помахала рукой Костику, который в своих нелепых очках-гогглах корпел над какими-то пробирками в углу. Достав из рюкзака Филю, я отправила его убираться. Пылесос, мерно и довольно загудев, послушно покатылся чистить углы, всасывая пыль с энтузиазмом голодного удава. Пока он работал, я подошла к Костику, достала из кармана золотое яичко и протянула ему.

— Опять?! — вздохнул парень, отодвигая защитные очки на лоб. — Что ж твоя Ряба никак не уймется!

— Да не говори, — также горестно вздохнула я. — Снова несанкционированный драг-металл.

Пока Костик ловко проделывал дырочку в скорлупе, сливая обычное яичное содержимое на плоскую химическую чашку Петри, которую тут же водрузил на спиртовку со словами: «Вот и яишенка на завтрак, белок и жиры!», мы с ним открыли нараспашку окно. Устроившись на подоконнике, мы пили чай из мензурок и обсуждали местные сплетни, пока Филя методично объезжал территорию.

— Ой, чего это он? — воскликнул вдруг Костя, замирая с вилкой на полпути ко рту.

Я посмотрела в ту сторону, куда указывал приятель, и у меня отвисла челюсть. Филя... висел под потолком. Филя! Который выше, чем на двадцать сантиметров от земли, никогда в жизни не взлетал!

— Филечка! — осторожно, чтобы не напугать, позвала я. — Филечка, ты чего это?

— Не знаю, — горестно, чуть не плача, отозвался пылесос, беспомощно вращая щетками в воздухе. — Меня вдруг подняло вверх, и я теперь никак не могу спуститься! У меня антигравитационный конфуз!

Кажется, диета из ниток от ковра-самолета странно отразилась на моем бытовом помощнике. Мы с Костиком начали прыгать, пытаясь достать бедолагу. Но потолки в лаборатории были сталинские, высоченные, а мы — совсем не спортсмены. Даже когда я залезла на шаткий табурет, до Фили не хватило добрых полметра.

— Я сейчас! — воскликнул Костик и выбежал из лаборатории.

Спустя несколько минут он вернулся, кряхтя от натуги и волоча за собой здоровенную алюминиевую стремянку. Ну да, приятель у меня довольно тщедушный, вся сила ушла в мозги и алхимию.

С помощью стремянки мне все же удалось дотянуться до Фили и с трудом отлепить его от потолка — он держался намертво, словно магнит. Спускаться с ним в руках тоже было непросто: пылесос постоянно пытался взмыть обратно, тянув меня вверх. При этом он горестно всхлипывал и причитал:

— Вот говорила мне мама: не жри чего попало с пола! Но ниточки были такие вку-усные! С привкусом восточных специй и магии!

— И кто у тебя мама? — не удержался от уточнения Костик, придерживая стремянку.

— Сборочная конвейерная система номер двадцать четыре на заводе в Шэньчжэне, — поясним Филя, и мы с Костиком понятливо закивали, решив не спорить с сиротой.

Чтобы Филю опять не унесло в стратосферу, пришлось привязать его прочной альпинистской веревкой к намертво вваренному в пол металлическому столу, на котором обычно проводили взрывоопасные эксперименты. Так что пылесос висел над столом на манер воздушного шарика на утреннике и время от времени, жалобно поскуливая, вздыхал.

— И что будешь с ним делать? — спросил Костик, доедая яичницу.

— Не знаю, — пожала я плечами. — Попробую поговорить с Гертрудой, может, чего подскажет. Она ведь тоже летает и, в теории, должна знать, как приземляться. Ну, когда в хоро-

шем настроении, может и нормально сесть, а когда вредничает — входит в штопор и сбивает люстры. В общем, она опытная, авось поделится секретами пилотирования.

— Метла твоя, что ли? — уточнил Костик.

— Угу... вредная она, просто жуть! Надо подумать, чем бы ее задобрить. Может, воском для полировки или березовым соком.

Берта в этот день меня больше не трогала, видимо, боясь, что я растворю ее любимое кресло. Дождавшись полудня и завершив уборку, я сунула рвущегося в небо Филию обратно в рюкзак, затянула лямки потуже и отправилась домой. Шла я по улице, наклонившись вперед, словно против ураганного ветра, потому что мой рюкзак то и дело пытался взмыть в воздух, поднимая при этом и меня. Прохожие косились на девушку, идущую странным, лунным шагом. К счастью, сил у Фили даже на мой цыплячий вес пока было недостаточно, чтобы утащить меня в облака.

Дома, едва я расстегнула рюкзак и выпустила пылесос на свободу, он тут же радостно пискнул, взмыл к потолку и остался там. Он зацепился щетками за люстру и продолжал горестно вздыхать, время от времени причитая по поводу своей несчастной, оторванной от земли жизни, а я, сидя на диване, пила чай и думала, где бы достать сачок для ловли буйной бытовой техники.

Глава 13

От очередного звонка Верховной ведьмы я ничего хорошего не ожидала. Впрочем, новость, которую мне сообщила Раиса, можно было воспринимать и как хорошую... смотря с какой точки зрения. Верховная орала на меня так, что вибрировали стекла в окнах. По ее словам, я, вся из себя такая неблагодарная, вместо того чтобы падать ниц и радоваться, что мне практически простили все мои нарушения правил, взяла и испортила ценнейшую вещь у Берты. А Берта, по словам Раисы, практически приютила бедную сиротку меня, обогрела и накормила.

— Никаких больше штрафных работ! — злобно вопила Раиса, и мне пришлось незаметно наложить на свое ухо охлаждающее заклинание, чтобы не оглохнуть. — Будешь выплачивать штраф, раз ты не ценишь того, что для тебя делают, неблагодарная девчонка!

Сумма штрафа, озвученная в конце тирады, была впечатляющей. Но, поразмыслив, я склонялась к тому, что так оно даже лучше. Платить деньги — это одно, а снова встречаться с Бертой и дышать ее токсинами — совсем другое. Ну вот как раз и пригодится золотая скорлупка от яичка Рябы: все, что я выручу за нее у братьев Горыновых, уйдет на погашение этого грабительского штрафа. И совесть чиста, и нервы целы.

Явившись на работу в обычную человеческую клинику, первым делом я отправилась к главврачу — писать заявление на отпуск. Валерий Игнатьевич, увидев мой решительный вид, попытался включить режим «строгого начальника», но быстро сдулся.

Дальше шли уговоры, плавно перетекающие в шантаж. Мне пришлось деликатно напомнить начальству о том, как я много раз подменяла заболевших (по причине срочной покупки горящих путевок в Турцию) сотрудников, как дежурила в праздники и прикрывала его самого, когда он «задерживался на работе» с молоденькой медсестрой из физиотерапии.

Короче, припомнила все! А заодно мило улыбнулась и пригрозила, что если он сейчас не подпишет заявление на отпуск, то я напишу заявление на увольнение, и тогда ему придется самому стоять у капельниц.

Скрипнув зубами и тяжело вздохнув, Валерий Игнатьевич все же начеркал свою резолюцию. Так что с завтрашнего дня я уходила в отпуск аж на две недели. Отпуск мне был жизненно необходим: раз уж от штрафных работ меня избавили, то самое время было отвезти Филю на дачу, где сейчас проживала Гертруда. Заодно и сама немного развеюсь, выплюсь и подышу свежим воздухом вдаль от городских смогов.

Отработав смену, я вернулась домой и застала в своей квартире сюрреалистичную картину. Посреди спальни, намертво прилипнув к потолку, висел Филя и, безбожно фальшивя и дребезжа мотором, горланил:

— Потому, потому что мы пилоты! Небо наш, небо наш родимый дом! Первым делом, первым делом — самолеты. Ну а девушки? А девушки — потом!

На коврике у входа в комнату лежал Рэм. Кот смотрел на этого безобразника выпученными глазами, в которых читалось глубокое экзистенциальное разочарование в этом мире. Что касается Филя, то, едва заметив меня, он тут же сменил репертуар, добавив в голос трагических ноток:

— На высоту такую, милая, ты уж не посмотришь свысока-а-а!

— Филька, прекращай концерт! — поморщилась я, потирая виски. — Соседи и так уверены, что я держу дома любовника-тенора. А сейчас еще и полицию вызовут, оштрафуют нас за нарушение режима тишины!

— Сатрапы! — обиженно, но уже гораздо тише проворчал пылесос и уполз в угол над шкафом, вещая оттуда, что пыли там накопилось немерено и он, как честный трудяга, не может это оставить без внимания.

Игнорируя его ворчание, я отправилась сперва ужинать, потом отмокать в расслабляющей ванне с травами и морской солью, и только после этого занялась котиком. Продиагностировав его состояние, я с радостью отметила, что кости передней правой и задней левой лап уже срослись. Аккуратно сняв фиксирующие лубки, я подлечила Рэма еще немного, закрывая остаточные микротрещины целительной энергией.

Закончив, я надела любимую пижаму — короткие шелковые шортики и топ на тоненьких лямочках — и устроилась на кровати. Сюда же, на край одеяла, я аккуратно перенесла Рэма, понимая, что даже с двумя уже рабочими лапами запрыгивать на высокую кровать самостоятельно ему еще рано.

Я устроилась поудобнее, осторожно обняв пушистика. Шерсть на нем уже почти отросла, густая и мягкая, в отличие от костей, которые срастались гораздо дольше. Рэм, как ни странно, несмотря на свою общую диковатость и гордый нрав, не сопротивлялся. Напротив, стоило мне его обнять, он довольно заурчал, вибрация его тела успокаивала лучше любого снотворного. Кажется, он уснул почти мгновенно, уткнувшись носом мне в ключицу. Вскоре сон сморил и меня.

Мне снилась уже знакомая по прошлой ночи солнечная поляна. Воздух пах нагретой хвоей и полевыми цветами. На траве сидел Роман и задумчиво крутил в пальцах тонкую травинку. Увидев меня, он радостно подскочил с места, и его суровое лицо осветилось такой теплой, искренней улыбкой, что у меня где-то в груди приятно кольнуло.

— Привет! Ты пришла!

Я улыбнулась в ответ::

— Ты снова мне снишься.

— А ты — мне, — так же воодушевленно отозвался мужчина, делая шаг навстречу.

Я опустила на мягкую траву, и Роман устроился рядом, совсем близко. Он смотрел мне в глаза своим пронзительным, сапфировым взглядом, и я буквально тонула в этой синеве.

— Мы знакомы? — решила спросить я, отводя прядь волос от лица. — Ну, в той, реальной жизни? Я тебя не видела раньше, иначе точно бы запомнила. Такие мужчины на дороге не валяются.

— Твоя бабушка спасла меня, — тихо и серьезно ответил Роман.

Я удивленно приподняла брови, но потом подумала: вполне может быть. Просто бабуля уже года два, как отправилась в кругосветное путешествие и надолго зависла где-то в теплых краях, вроде Таиланда или Бали. Изредка она отправляла мне весточки через магическую почту: мол, жива-здорова, ест кокосы и медитирует. Иногда в бабушкином блоге на портале «Ведьмы.ру» я видела ее короткие ролики, где она то плавала с морскими черепахами, то карабкалась по скалам с энергией двадцатилетней. Бабуля вполне могла спасти этого красавца и до своего отъезда. Или где-нибудь в путешествии. Может быть, он где-то очень далеко. В конце концов, для снов нет границ и расстояний.

— Ты очень красивая, — вдруг сказал Роман, и его голос стал ниже, бархатистее. — Только сегодня ты какая-то хмурая. Случилось что-то?

— А, достала одна ведьма! — досадливо махнула рукой я, вспоминая утренний разнос. — Начальница. Выпила всю кровь.

— Это да, — тяжело вздохнул мужчина, и в его глазах мелькнула тень. — Я сам терпеть не могу ведьм. От них одни неприятности и проблемы. Хитрые, властные, вечно что-то мутят.

Я открыла рот, чтобы сказать, что мы с бабулей — тоже ведьмы, да еще и не из последних, но вовремя прикусила язык. Раз мужчина так категоричен, то лучше ему пока не знать о том, кем я являюсь на самом деле. Пусть думает, что я обычная девушка.

Мы сидели рядом на полянке и молча любовались друг другом. Почему-то нам не хотелось говорить о постороннем. Нам хотелось просто быть рядом, чувствовать тепло плеча, смот-

реть друг другу в глаза и наслаждаться такой неожиданной, почти осязаемой близостью. Роман медленно поднял руку и почти коснулся моей щеки...

— Маша, подъем! Хватит дрыхнуть, солнце уже в зените! — раздался над ухом противный, дребезжащий голос Фили, и приятный сон разлетелся вдребезги, как хрупкое стекло.

Я распахнула глаза, тяжело дыша. У-у-у! Изверг! Металлолом проклятый! Прибыю его когда-нибудь, разберу на запчасти и сделаю из него тостер! Надо же было такой классный, почти поцелуй испортить!

Я посмотрела на подушку. Рэма на ней уже не было, хотя подушка еще хранила его тепло. Кот сидел на подоконнике, умываясь, и смотрел на меня с немим укором, словно говоря: «И это твоя свита? Сочувствую, хозяйка».

Глава 14

Роман

Состояние отупения, которое, похоже, было связано не только с применением усыпляющего отвара, которым его поили бабка с девушкой, но и с ушибом головы, постепенно спадало. И тогда Роман начал подозревать, что что-то в этой квартире не так.

Различные голоса, на которые он первое время не обращал внимания, считая их чем-то вроде звуков телевизора или различных электронных устройств, постепенно его заинтересовали. Так, выяснилось, что робот-пылесос, которого девушка, представившаяся в его сне Машей, звала Филей, разговаривает вполне по-человечески и осмысленно. На простые системные оповещения это не было похоже. Тем не менее, Роман решил, что это просто новая модель пылесоса со встроенной системой типа Умного дома. Ну разговаривает же Алиса со своими хозяевами, да еще и нередко в тему получается.

Разговаривали тут и кофеварка, и стиральная машина. Но эти говорили хотя бы по делу, в отличие от пылесоса, который сегодня вообще предпочел взлететь под потолок и оттуда горланить песни. Причем, пел он в отсутствие хозяйки. Может, просто система сглючила?

Еще Романа смущало, что ни разу он не видел вместе бабушку с внучкой. Появлялись они перед ним по одной. Обследовать квартиру и проверить их спальни он не мог - пока перемещался с огромным трудом, находя в себе силы только доползти до лотка. Не очень удобная штука, но что поделаешь... В конце концов, это не сильно отличается от того, что он делал в тигриной ипостаси.

А вот то, что Маша стала брать его спать в свою постель, его порадовало. Роману очень понравилось спать рядом с ней. В такие моменты он очень тосковал по утраченному обонянию. Наверное, Маша должна пахнуть просто умопомрачительно. Но, даже не чувствуя ее запаха, он с огромным наслаждением прижимался носом к ее теплему мягкому телу и... кайфовал. Спалось ему в ее объятиях особенно сладко. А во снах снова была она.

Когда в первый раз он ее увидел во сне, то даже удивился. Особенно удивился тому, что предстал перед ней в своем истинном, человеческом виде. Не котом, и даже не тигром. Впрочем, кажется, тигром он тоже перед ней предстал, но совсем ненадолго.

Встречи были короткие: видимо, только в фазе глубокого сна они могли оказаться рядом. Во вторую ночь, хоть и были рядом они гораздо дольше, чем в первую, все равно почти не поговорили. Просто наслаждались близостью друг друга.

Конечно, в таком виде Маша его не узнала. Лишь удивилась тому, что вторую ночь подряд в своем сне видит его. А Роман смотрел на нее и не мог насмотреться. И кажется, во сне ему все же удалось ощутить ее запах, и он действительно был умопомрачительным. Только что-то в нем было не так, но что именно - Роман так и не понял. А потом девушка вдруг исчезла и Роман, услышав голос, который обычно доносился от этого странного робота-пылесоса, тоже открыл глаза.

Она лежала рядом с ним: теплая, уютная, нежная. И он смотрел на нее, не в силах оторвать взгляд. Но девушка вдруг, сладко потянувшись, села на кровати.

– Эх, Филька, какой сон мне прервал! - с укоризной сказала она и пошла в ванную приводить себя в порядок.

Бабульки, которую соседка называла Марфой, в доме не было. И когда она успевает исчезнуть? Он не помнит, чтобы она приходила домой. Но ведь ночевать-то она должна была прийти? А ночевала дома только Маша.

– Так, ребятки! - сказала Маша, позавтракав. - Сейчас я сгоняю к Горыновым, а потом мы собираемся и уезжаем на дачу!

Ребятки, которыми, похоже, были Роман и, как ни странно, пылесос, с удивлением воззрились на рыженькую. Вернее, воззрился на нее Роман, а пылесос повернулся к ней передней своей частью, изображая, что слушает ее внимательно.

– А что мы там будем делать? - задал резонный вопрос Филя.

– Ты будешь проходить курс обучения полетам, - пообещала Мария пылесосу, что немало удивило Романа.

“А я?” - хотел он спросить, но лишь жалобно мяукнул, сам не ожидая от себя такой чисто кошачьей реакции.

– А ты, - каким-то образом поняла его Маша, - продолжишь проходить курс лечения. Опять же, на свежем воздухе быстрее оклемаешься.

К счастью для Романа, найти переноску нужного размера Маше за столь короткое время не удалось. Зато удалось купить шлейку, которую она тут же и попыталась на него надеть. На него! Надеть поводок! Да как ей вообще такое могло в голову прийти? Роман дернулся из ее рук и, несмотря на все свое еще больное и израненное тело, все же вырвался на свободу, отпрыгнув от девушки с шлейкой в руках подальше.

– Ты не хочешь, чтобы я на тебя надевала шлейку? - понятно спросила Маша.

– Да! - проорал Роман.

Но из горла вырвалось лишь свирепое “Мяу!”.

– Ладно-ладно, я поняла тебя. Не буду надевать. Но ты будешь вести себя прилично, договорились? - смирилась Маша с его точкой зрения.

– Буду! - буркнул Роман и снова получилось лишь “Мяу!”.

В такси они садились на заднее сиденье: котик был на руках у Маши, а пылесос летел вслед за ними, привязанный на веревочку на манер воздушного шарика. Пришлось ему и внешность принять округлую, вроде как шарик он и есть.

Таксист, впрочем, оказался понятливым и по поводу того, что девушка везет кота, да еще и таких внушительных размеров, без переноски, ничего не сказал. Он не первый раз вез пассажиров в этот дачный поселок и разного успел насмотреться.

Глава 15

Мария

Как я и предполагала, выручки от продажи яичной скорлупы едва хватило, чтобы покрыть штраф. Связываться с братьями Горыновыми — людьми, не брезгующими ни скупкой краденого, ни оборотом магических артефактов незаконного происхождения, — мне совсем не хотелось. Но и оставлять эти «сокровища» у себя было еще опаснее: лишний шум в наше время может привести к неприятностям.

Кто именно из братьев дежурил сегодня в их тесной конторе, о которой знали лишь единицы, я понятия не имела. Все трое были на одно лицо. Даже ауры у них были практически идентичны — если не вглядываться в самую суть магического фона, их было не отличить друг от друга. А сегодня у меня не было ни малейшего желания заниматься детективной работой.

Отправив Раисе чек о выполненном платеже, я перешла к сборам. Пришлось заскочить в зоомагазин, чтобы купить шлейку для кота — подходящей переноски для такого крупного зверя поблизости не оказалось, а бегать по городу в поисках подходящей переноски мне не хотелось.

Правда, этот пушистый засранец решил, что шлейка — это личное оскорбление, и наотрез отказался её надевать. Настаивать я не стала: когти у Рэма отросли знатные, и он снова превращался в маленького, но очень опасного хищника. Пришлось просто взять его на руки и буквально втиснуть в салон такси. О том, что будет, если кот решит совершить десантирование прямо на ходу, я старалась не думать.

К счастью, зверь проявил неожиданную адекватность и в машине вел себя прилично. Таксист тоже оказался не из пугливых: на мой вид с котом без переноски он даже бровью не повел. Впрочем, в наших краях это не редкость — я видела, как соседи по дачному поселку перевозят в такси не только собак и кошек, но и подросших цыплят, кроликов и прочую живность. Местные водители, похоже, уже привыкли к любым чудесам.

На крыльце моего домика меня уже ждала Гертруда. Грозно встопортив прутья, она всем своим видом демонстрировала крайнюю степень презрения к таким бестолковым ведьмам, как я. С еще большим высокомерием она встречала Филю, которого считала едва ли не самозванцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.